

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Только для меня

18+

С О В Р Е М Е Н Н Ы Й Л Ю Б О В Н Ы Й Р О М А Н
МАРИЯ АБДУЛОВА

Мария Абдулова

Только для меня

«Автор»

2024

Абдулова М.

Только для меня / М. Абдулова — «Автор», 2024

Она свалилась как снег на голову и принесла с собой крайне неудобную правду. Она слишком юная, слишком невинная и слишком не такая, как все. Она лишила его, взрослого мужика, покоя и вызвала очень противоречивые чувства. С одной стороны, Владлен хочет, чтобы она исчезла, а с другой... А с другой, наплевав на всё, хочет присвоить её себе.

© Абдулова М., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Глава первая.	5
София.	5
Владлен.	8
Глава вторая.	12
София	12
Владлен	16
Глава третья.	26
София	26
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Мария Абдулова

Только для меня

Глава первая.

София.

Небольшой клочок когда-то белоснежной бумаги с адресом её старшей сестры, которую она увидела сегодня в первый раз в жизни и то со спины, выглядел очень жалко, впрочем, наверное, как и сама Соня, но она об этом не задумывалась и сжимала его в ладони изо всех, боясь потерять. Особого смысла в этом страхе не было, так как название улицы и номер дома девушка знала уже наизусть. И также наизусть знала имя своей сестры – Баженова Антонина Борисовна. Единственное, что не знала, так это как всё-таки решилась на то, чтобы направиться к её дому. Не хотела лезть, не хотела нарушать покой, не хотела, вообще, ничего плохого и предосудительного. Правда, не хотела. До сегодняшнего дня даже подумывала выбросить эту бумажку и просто продолжить жить дальше, но стоило только увидеть и познакомиться с чудесным Илюшей – своим племянником, а потом из окна частного детского сада, в котором подрабатывала нянечкой, заметить высокую и ладную женскую фигуру, ведущую его под руку, как её одолело очень сильное любопытство и желание рассмотреть эту самую женскую фигуру поближе. Ещё и тётя Тома – давняя и близкая мамина подруга, а по совместительству директор детского сада, благодаря которой София и работала в нём, добавила масла в огонь, очень вовремя проходя мимо и очень легко заметив её интерес.

– Видела?

Тамара Евгеньевна была непростым человеком. Наверное, можно даже сказать тяжёлым. Она считала своё мнение единственным верным, себя всегда и во всём правой, указывая окружающим людям что им нужно делать и что ни в коем случае нельзя, а если они её не слушались и действовали по-своему, то женщина тут же ставила под сомнение наличие у них мозгов. Соня же и вовсе была для неё из разряда безнадёжных наивных дурочек, что никак не могли повзрослеть. Не попроси мама перед смертью приглядеть за ней, то Смирнова скорее всего давно вычеркнула бы её из своей жизни.

– Видела.

– И долго ты ещё будешь тупить? – тётя Тома говорила тихо, но её командный и резкий тон был слышен отчётливо. – Не надоело быть хорошенькой? Ангельский нимб над головой тебя не прокормит.

Чистякова промолчала, опустив глаза в пол. Молодая женщина, являющаяся её старшей сестрой, скрылась за углом соседнего здания и наблюдать стало не за кем.

– Соня, в стотысячный раз говорю, если не хочешь закончить как твоя мать, то сделай что я тебе говорю! Включи уже мозги! Пока ты на еде экономишь, чтобы денег на проезд хватило, они живут и горя не знают!

– Я не...

– Меня дослушай сначала! – Смирнова окинула её строгим взглядом почти чёрных глаз и, сжав холёную ладонь на предплечье, развернула к себе лицом. – Ты имеешь такое же полное право на всё то, что есть у неё! – кивок в сторону окна. – И твой папашка обязан дать тебе всё то же самое, что дал ей, поймёшь ты это уже когда-нибудь или нет?!

– Мне ничего не нужно, – девушка, не поднимая глаз, заправила выбившуюся из косы прядь за ухо.

– Сонька, ты совсем идиотка?!

– Мне, правда, ничего не нужно.

Тамара Евгеньевна цокнула языком, проворчала что-то неразборчивое, но вряд ли приятное, и, разжав пальцы, стремительно ушла, наверняка, сетуя про себя на то что связалась с ней – непроходимой тупицей. Узнай она, по какой именно причине Соня всё-таки направилась после их разговора по данному ею ещё полгода назад адресу вместо того, чтобы забрать то, что полагалось по праву рождения, назвала бы другими словами, нецензурными. Только Чистяковой, действительно, было ничего не нужно ни от отца, которого она в последний раз видела семь лет назад, ни от старшей сестры, за которой наблюдала несколько часов назад. Ей просто хотелось посмотреть. Хотя бы одним глазком. Утолить свой интерес раз и навсегда. Может даже, наконец, понять, чем она хуже, раз папа так легко и просто от неё отказался, и перестать думать об этом ночами напролёт. И, конечно, взглянуть на его старшую дочь, чей образ долгое время себе представляла, и сравнить реальность с фантазией. О том, чтобы познакомиться и тем более подружиться, не думала, так как прекрасно отдавала себе отчёт в невозможности этого. Какой взрослый человек примет с распростёртыми объятиями другого ребёнка своего родителя, нагулянного на стороне? Софии хватало и осознания того, что у неё есть родные, пусть и всего лишь по крови, люди. О большем и не мечтала.

Холодный, по ощущениям ещё зимний, несмотря на недавнее наступление календарной весны, ветер ударил в лицо стоило только выйти из переполненной маршрутки. Её путь лежал в частный сектор, находящийся почти на выезде из города, от остановки до которого нужно было пройти пешком ещё около десяти минут. Красивый и чистый коттеджный район, где, по словам всё той же тёти Томи, жили в основном обеспеченные люди. Его не портили ни тяжёлые снеговые тучи, нависшие над городом и грозящие в очередной раз испытать горожан и городские службы на прочность, ни голые деревья, ни скользкие в кое-каких местах тротуары. Соня в своей старой шапке, купленной ещё мамой на распродаже, продуваемом, с постоянно заедающей молнией и большим ей пуховике, также купленном за копейки со стипендии, чувствовала себя здесь лишней. Ещё и осенние, ставшие за неимением лишних денежных средств зимними, ботинки, под которые она надевала две пары тёплых носков, чтобы сильно не мёрзнуть, то и дело скользили, делая её походку крайне странной и неуверенной. Благо все уличные фонари работали исправно и в быстро наступающей вечерней темноте дорожки и таблички на заборах домов были неплохо освещены. Нужный ей дом находился почти в центре этого района через дорогу от небольшого, но очень симпатичного сквера. Большой, если судить по участку, двухэтажный. Из-за высокого каменного забора было сложно разглядеть что-то конкретное и девушка в растерянности замерла напротив, понимая, что её планам не суждено сегодня сбыться. Почему-то она и не подумала о таком исходе событий. Не звонить же в дверной звонок, а потом убегать за угол, чтобы посмотреть на хозяев дома исподтишка, верно?

В этот момент пошёл снег, поднялся новый порыв ветра, бросая колючие снежинки в лицо и следом за ними улицу осветил свет фар, на который Чистякова сначала не обратила внимания, так как решила, что автомобиль просто проезжал мимо, но поравнявшись с домом чёрный огромный внедорожник вдруг повернул к нему и остановился рядом с ней. Соня машинально повернулась в его сторону, разглядела сквозь мокрое от снега лобовое стекло две фигуры – мужскую за рулём и женскую на пассажирском сидении, и тут же резко развернулась в противоположную сторону, пряча лицо.

"Это она! Она!" – вспыхнуло паническое в голове. – "Нужно быстрее уходить!"

Опустив голову как можно ниже, почти бегом бросилась прочь, но ноги совершенно не вовремя заскользили, попытка сохранить равновесие не увенчалась успехом и она, неловко взмахнув руками, плашмя рухнула на спину, ударяясь головой. Перед тем как провалиться в темноту от боли, София почувствовала как с неё слетела шапка и откатилась в сторону сумка, а следом услышала испуганный женский вскрик и раскатистое мужское:

– Твою мать!

Владлен.

Девчонка рухнула на землю так, что даже у него сердце на мгновение замерло. С чего решил, что эта была именно девчонка, не знал, ведь, подъезжая к дому брата, не заметил лица, только краем глаза зацепил невысокую фигуру в тёмной одежде, замершую у ворот. Хотел было спросить у невестки о том, кто это, как фигура пришла в движение, резко отшатнувшись в сторону, а потом, не сделав и двух шагов, растянулась со всего маха на снегу. В одну сторону отлетела шапка, в другую – сумка и её содержимое. Затем фигура подозрительно замерла и Тоня, успевшая к тому моменту выйти из машины, испуганно вскрикнула, невольно наталкивая своей реакцией на не очень хорошие мысли.

– Твою мать! – выругался, выскочив следом.

Девчонка, теперь он точно был уверен, что это была девчонка, лежала совсем рядом и ему хватило всего пары секунд, чтобы оказаться с ней рядом. Первым делом осмотрел пространство рядом на наличие крови, потому что очевидно, что она ударилась головой, и, не увидев искомого, наклонился к ней ближе, всматриваясь в лицо сквозь валяющиеся с неба хлопья. Совсем юная, сливающаяся цветом кожи со снегом, на котором лежала. Единственное яркое пятно – веснушки на носу и скулах.

– Эй, девочка, ты меня слышишь? – позвал её Владлен.

Она не отозвалась, продолжая лежать с закрытыми глазами. Аккуратно проверив наличие у неё дыхания, мужчина сам с облегчением выдохнул, потом для верности нащупал пульс и принялся за осторожный осмотр девичьей головы, шеи и конечностей, не выявивший в итоге никаких ран, уплотнений или припухлостей.

– Так, девочка, давай, приходи в себя, – предварительно окунув ладони в сугроб неподалёку, прижал их к её щекам. – Иначе вызову скорую и попрошу врачей поставить тебе самый большой и самый болезненный укол в пятую точку.

Скорую он и так планировал вызвать. Мало ли. Грозил скорее на автомате, чтобы отвлечься от лишних эмоций и привести в себя жену брата, которая никогда не отличалась излишней впечатлительностью, но сейчас почему-то замерла рядом с вещами девчонки истуканом, шокировано их рассматривая.

– Тоня! – ноль реакции. – Тоня, ты слышишь? Скорую вызови! – невестка даже бровью не повела. – Тоня, твою налево, очнись! Скорую девочке вызови!

Но вместо Антонины очнулась вдруг девчонка. Слабо дёрнулась в его руках и приоткрыла небесно-голубые огромные глаза в обрамлении длинных изогнутых ресниц. Красивые глаза. Даже чересчур. От неожиданности Влад завис на них, словно ничего краше в своей жизни не видел.

– Не нужно... – едва слышно проговорила она. – Скорую не нужно...

– Да я пошутил об уколе, не переживай. Не будут тебе его ставить. Наверное. Просто осмотрят тебя и...

Девчонка, поморщившись, попыталась принять вертикальное положение, но тело её явно не слушалось.

– Стой-стой, куда собралась? – Владлен придержал её за плечи. – А если сотряс или ещё чего похуже?

– Не нужно скорую...

– Врачей что ли боишься? Или у тебя шок?

– Я в порядке, – новая попытка приподняться и на этот раз удачная, не без его помощи, конечно, но всё же. – Я... Пойду...

Ветер бросил ей в лицо вместе со снежинками тёмные прядки волос, выбившиеся из толстой длинной косы, и Баженов, не совсем отдавая отчёт в своих действиях, протянул руку

и убрал их в сторону, задевая пальцами девичьи щёчки. Она напряглась, вжав голову в плечи и отведя свои глаза в сторону.

– Ты встать без моей поддержки не смогла. Куда идти-то собралась? Не хочешь скорую, тогда звони родителям. Пусть они тебя забирают и сами разбираются.

Девчонка напряглась ещё сильнее и резко кинулась подниматься на ноги, из-за чего ему пришлось посторониться. Далеко, правда, отходить не стал, так как её немного пошатывало и в целом движения были не совсем уверенными. Боялся, что снова рухнет как подкошенная и в таком случае точно костей не соберёт, а ему потом объясняй её родне и органам почему не оказал помощь.

– Держи, – нагнулся и, подняв валяющуюся неподалёку шапку, протянул ей.

Та, как, впрочем, и сама девчонка, была вся в снегу и он, опять же сначала действуя, а не думая, отряхнул головной убор, а потом и её саму. Она не доставала ему макушкой и до плеча и комплекцией, даже будучи в верхней одежде, походила на соломинку. Того и гляди ветром унесёт или, что ещё хуже, переломает пополам. Стоя рядом с ней, Владлен, и так никогда не отличавшийся в миниатюрности, вовсе чувствовал себя великаном.

– Сп-п-пасибо.

Нахлобучив шапку на голову, она уже хотела было развернуться лицом к Тоне, всё ещё стоящей как вкопанная над раскиданными вещами, но мужчина её удержал за рукав тонкого пуховика.

– Ну так что? Скорую вызываем или родителей? Как себя чувствуешь? Где-то болит? Голова кружится?

Она молча отрицательно покачала головой, не встречаясь с ним взглядом.

– Уверена?

– Да.

– Тогда звони отцу или маме, чтобы они за тобой приехали. Одну тебя не отпущу. Вдруг снова грохнешься, а рядом не окажется никого, кто бы смог помочь.

Жалко же её. Мелкая ещё совсем. Как одну оставить? Да и темно уже, и снег не думал заканчиваться. Всё падал и падал сверху, оседая на волосах, лице, одежде, путаясь в длинных девчоночьих ресницах и забираясь под воротник.

– Со мной всё хорошо, – ответила тихо. – Я сама справлюсь.

– Давай только без геройства, – недовольно нахмурился Владлен. – И слушайся старших. Сказал звони родителям, значит, звони. Немедленно.

Она поджала губы и, отвернувшись в поисках своих вещей, неожиданно замерла, испуганно распахнув глаза. Проследив за её взглядом, он заметил, что невестка вроде пришла в себя и теперь стояла не просто так, истуканом, а держа в руках непонятные карточки, издали похожие на фотографии.

– Тоня? – попробовал снова позвать. – Ты очнулась?

Жена брата шокировано посмотрела на него, затем на девчонку, потом опять на карточки и вдруг прижала ладонь ко рту.

– Да что с тобой такое? Ударилась головой вроде она, а странно ведёшь себя ты. Может, всё-таки поможешь девочке вещи собрать?

Так и не добившись никакого вразумительного ответа и убедившись, что его головная боль на этот вечер крепко стоит на своих двоих, кажется, даже не дыша, Баженов приблизился к Антонине и уже хотел было в который раз за последние десять минут попросить её прийти в себя, как она молча протянула ему карточки, на самом деле оказавшимися фотографиями. Их было всего три штуки, но такого содержания, что Тонина странная реакция стала понятна мгновенно. На первом фото – счастливо улыбающаяся девочка лет пяти в нарядном платье, стоящая между двумя взрослыми – миловидной молодой женщиной, на которую очень похожа, и высоким мужчиной с постным лицом на фоне обычной стены, с красивой подпи-

сю на обратной стороне "День рождения Сонечки. Вся семья в сборе". На втором девочка уже старше, с большими белыми бантами, школьной форме и букетом гладиолусов в руках, на этот раз стоящая рядом лишь с мужчиной. Сзади подпись тем же почерком "Сонечка и папа. Школьная линейка". Третье фото не такого хорошего качества, как первые два, но мужчину, обнимающего за плечи повзрослевшую, но по-прежнему милую и улыбчивую женщину, разобратить можно легко. Она смотрит на него влюблёнными глазами, он с отсутствующим видом смотрит в камеру, позади них наряженная ёлка, праздничный стол и всё та же девочка за ним в костюме снежинки. Подписи на оборотной стороне нет, но её больше и не требуется. И так всё предельно ясно. И девочка с мужчиной с фото знакомы. Девочка – та самая, что чуть не убилась, поскользнувшись. Мужчина – Тонин отец. Кудрявцев Борис Петрович – подполковник полиции на пенсии. Хороший человек с твёрдым характером и принципами, на которого всегда можно положиться. Примерный семьянин, обожающий своих жену и, как казалось ещё десять минут назад, единственную дочь.

– Владик, скажи, что я одна это вижу! – выдохнула жена брата, взглянув на него таким взглядом, что внутри всё перевернулось. – Это же не папа, правда? Мне показалось, да? Он же просто похож? Он не...

Владлен терпеть не мог ложь. Всегда был прямолинейным. Порой даже чересчур. Только иногда правда была слишком жестока и в данный момент заключалась в том, что мужчиной на фото был именно Борис Петрович, а не кто-то другой. Вероятность простого совпадения почти невозможна, так как его внешность была достаточно специфичной. Чуть выше среднего роста, крепкий, с характерной его профессии выправкой, большими, как у Тони и девчонки, глазами, кривым после перелома ещё во времена бурной молодости носом и шрамом на щеке, оставшимся с тех же времён и отчётливо виднеющимся на одной из фотографий. На снимках он моложе, чем сейчас, но всё же... Всё же это был именно он.

– Влад, ну что ты молчишь?! – всхлипнула невестка.

Он сжал челюсти, не зная, что ответить. Тоня давно стала для него ещё одной младшей сестрой. Всегда весёлая, улыбчивая, энергичная, громкая и смешливая. Отличная подруга, замечательная жена и прекрасная мама. Сейчас она выглядела потерянной маленькой девочкой, чей привычный мир в один миг разрушился до основания.

– Влад... – новый душераздирающий всхлип и в серо-зелёных глазах заблестели слёзы.

Стоило только ему их увидеть, как внутри что-то щёлкнуло. Резко развернувшись к девчонке, застывшей неподалёку, Баженов взглянул на неё уже другими глазами. Теперь перед ним стояла не юная девушка, за самочувствие которой он совсем недавно беспокоился, а бомба замедленного действия. Стоит ей открыть рот и рванёт так, что никому мало не покажется. А в том, что она точно не будет молчать, Владлен был уверен. Даже в молодости наивным не был и сейчас в тридцать семь тем более видел мир таким, каким он был, без прикрас. Понимал прекрасно, что эта встреча не просто случайность, а тщательно поставленное и продуманное до мелочей театральное представление, направленное на то, чтобы... Чтобы что? Встретиться с Тоней? С отцом? Раскрыть его тайну для всех? Получить от этого какую-то выгоду? В конце концов, расчётливость в большей или меньшей степени была свойственна всем и даже таким невинным, на первый взгляд, созданиям, как эта Сонечка, а учитывая количество козырей у неё в рукавах, то ей вовсе не составит особого труда заставить окружающих плясать под свою дудку. Вот только не на тех малышка напала.

Словно услышав его мысли, она было дёрнулась к своим вещам, но послушно замерла на месте, сжавшись в страхе, когда он рывкнул:

– Стоять!

Нагнувшись, поднял с земли выпавший из сумки вместе с фотографиями, упаковкой салфеток и телефоном студенческий билет, открыл его и быстро пробежался глазами по информации на нём. Чистякова София Борисовна. Второй курс педагогического университета. Факультет

тет начального образования. Девятнадцать лет. На фото – всё те же небесно-голубые глазища и губки-бантиком.

– Выкладывай, София, – не отрываясь от разглядывания студенческого, приказал он. – Что тебе нужно?

– Ничего... Мне ничего не нужно.

Владлен поморщился. Помимо лжи ещё и терпеть не мог людей, которые продолжали нагло пи*деть даже после того как их уличили во вранье.

– Будешь врать или продолжать строить из себя бедную и несчастную, то предупреждаю сразу, я тебе не понравлюсь, – перевёл на неё взгляд, который обычно мало кто мог выдержать. – Поэтому лучше по-хорошему говори зачем пришла.

Она, сглотнув, обняла себя за плечи, вперила глаза на свои документы в его руках и отрицательно покачала головой.

– Я не вру. Мне, правда, ничего не нужно.

– Девочка, ты глухая или тупая? В последний раз спрашиваю, зачем ты сюда пришла и устроила этот спектакль?

В ответ молчание, сказавшее ему гораздо больше, чем слова. Подняв раскиданные вещи, Баженов подошёл к ней, сунул их ей в руки и, взяв за локоть, настойчиво потянул в сторону дома брата.

– Ч-ч-что в-вы д-делает-те? – едва успевая шевелить ногами, спросила девчонка дрожащим от страха голосом. – Отп-п-пустите, п-п-пож... – она снова поскользнулась и начала заваливать вперёд, но Владлен дёрнул её на себя и у неё получилось устоять. – Я... Я... Я н-ничего не...

Не обращая внимание на её трепыхания и бормотание, кивнул невестке на двери.

– Тоня, открывай.

– Ты... Что... Зачем?

– Поговорим с ней внутри. Один на один.

Глава вторая.

София

Излишнее любопытство редко когда доводит до добра и к её девятнадцати годам это пора было бы уже понять, чтобы потом не попадать в ситуации, в которые изначально попадать не планировала. Теперь же, сидя перед мужчиной вдвое больше её и, наверное, вдвое старше, с убийственным взглядом холодных серых глаз, не обещающих ничего хорошего, трястись от страха и безуспешно сдерживать слёзы было поздно, бесполезно и... Соня сжалась, когда он вдруг резко поднялся с места и навис над ней скалой, отрезая от внешнего мира и загоняя в ловушку, так как бежать отныне ей было некуда. Позади – стена, справа – стол, слева – окно с жалюзи, напротив – он. Очень высокий, очень большой и очень внушительный.

– Ну, ангелок, долго ещё в молчанку играть будешь?

И вроде бы в этих словах не было ничего оскорбительного или угрожающего, а они всё равно придавили её бетонными плитами к полу. Голос у этого мужчины был сам по себе очень низким, а сейчас, когда он злился, вовсе звучал как рычание хищника. Тихий, вкрадчивый, даже спокойный, но до мурашек и паники, ставшей по поперёк горла, пугающий. И сам мужчина её очень пугал. От него веяло силой, властью и уверенностью. Рядом с ним девушка чувствовала себя никчёмной букашкой. Казалось, стоит ему лишь дунуть в её сторону и она тут же распадётся на мелкие частицы. София, открыв после падения глаза и первым делом увидев его, подумала, что склонившийся над ней человек – галлюцинация. Огромный, почти лысый, широкоплечий. В нём всего было будто бы чересчур и в то же время как раз. Массивное лицо с квадратной челюстью, горбинкой на носу и сталью в глазах. Мощная шея, не скрытая шарфом, несмотря на погоду. Большие ладони, которыми он, кажется, успел ощупать её вдоль и поперёк. Соня ещё ни разу в жизни не встречала таких как он. А потом галлюцинация с ней заговорила, обеспокоилась о самочувствии, приказала позвонить родителям, которых у неё не было. Мамы не стало полтора года назад, а папа...

Девушка невольно посмотрела на свою старшую сестру, сидящую на диванчике в нескольких шагах от них и рассматривающую фотографии. Бледная, потерянная, с влажным блеском в глазах. Одна только её поза заставляла чувствовать Чистякову себя виноватой, а неверящие редкие взгляды и подавно рвали душу на части.

– На меня смотри, – резко одёрнул её мужчина.

София, не выдержав и секунды зрительного контакта с ним, опустила глаза в пол.

– Говори.

– Чт-то гов-вор...?

– Кто такая, откуда и, самое главное, какого хрена здесь забыла? Актрису советую выключить сразу. Я тебе не театральный критик и терпеть пи*дёж, заламывание рук и обмороки не стану.

Она непонимающе моргнула и добела сжала пальцы на плечах. Актрису? Какую? И что значит "выключить"? А обмороки здесь при чём? Пусть у неё всё ещё и побаливало тело в некоторых местах после падения, но не до такой степени, чтобы терять сознание.

– Я Соня.

– Я это уже понял. Дальше.

– Я... – нервно сглотнула, не зная, как объяснить. – Мой...

– Кудрявцев Борис Петрович твой родной отец?

Вздвогнув от тона, которым был задан вопрос, девушка молча кивнула.

– Откуда ты знаешь о Тоне и её адрес?

– Он мне в детстве рассказывал о ней.

Антонина оторвалась от фотографий и посмотрела в её сторону, но встретиться с ней взглядом Софии сейчас было не под силу.

– Адрес где взяла? Только не говори, что также он дал.

– Он... Я не видела и не слышала его семь лет.

Тишина повисла в комнате. Даже электроприборы в ней, кажется, замерли и перестали издавать едва уловимое гудение. Сестра всё ещё продолжала смотреть на неё в упор, как и её... Муж?

– Не уходи от прямого ответа. Как адрес узнала? Не случайно же мимо проходила.

Адрес дала тётя Тома, каким-то образом, узнав, что один из воспитанников сын её старшей сестры, и взяв его из личного дела Ильи, но как об этом рассказать Чистякова опять же не знала. Вряд ли Антонина и её муж будут в восторге, если выяснится, что директор детского сада, в который ходит их ребёнок, раскрывает персональные данные чужим людям. А Тамара Евгеньевна не со зла это делала и не ради своей выгоды, просто хотела ей, Соне, помочь.

– Я... Я не хотела ничего плохо. Просто... Мне было любопытно, – девушка опустила голову ещё ниже, чувствуя, как стыд проявляется на щеках ярко-алым цветом. – Простите... Мне очень жаль, что всё так вышло...

Сверху раздался саркастический смешок, а в следующую секунду мужские пальцы обхватили её подбородок и подняли вверх. Она невольно затаила дыхание, встретившись взглядом с серыми глазами, и почувствовала себя уже не букашкой, а оленёнком, застывшим в свете фар несущейся на него на полной скорости фуры. Столкновения не избежать и шансы на то, чтобы после него остаться целой, катастрофически малы.

– Девочка, ты с какой планеты свалилась, скажи мне? За идиота меня держишь? – процедил мужчина, угрожающе сощурившись. – Заявиться к людям, которые о тебе и знать не знают, очень удачно и как бы ненароком упасть перед их домом, также "не специально" подsunуть им свои детские фотографии, потом с невинным видом сказать "я не хотела ничего плохого" и "мне жаль" – по-твоему нормально? Думаешь, я поверю в этот бред?

– Я...

– Ты должно быть не поняла меня с первого и второго раза, поэтому говорю, персонально для тебя, в третий – хватит пи*деть. Ты этим ничего не добьёшься, ясно?! Какие бы цели ты изначально не преследовала, о чём бы не мечтала и чего бы не хотела – у тебя не получится ничего из этого. И твоя игра в невинного пупсика с крылышками за спиной тебя не спасёт. На возраст не посмотрю и спрошу за всё как с взрослой.

В глазах предательски зашипало и запершило в горле. Мгновение и первая слезинка против воли покатила по щеке, делая её в его глазах, наверное, ещё большей лгуньей, чем прежде, но, как Соня не пыталась сдержаться, слёзы всё равно катились одна за другой. Понимала, что они мало что изменят, что сделают ситуацию только хуже, что для них сейчас не время, и в то же время не знала как их остановить. Ей было больно – и из-за недоверия, и из-за падения, и из-за своей непростой жизни в целом. Плохо, потому что принесла другим людям, незаслуживающих этого, такую же боль. Очень грустно и одиноко. Последнее и вовсе было её круглосуточным состоянием семь дней в неделю, из-за чего она и носила в сумке эти три фотографии, чувствуя себя, благодаря им, не такой несчастной, не такой брошенной и не такой одной, какой была на самом деле.

– Этим, кстати, ты тоже ничего не добьёшься, – мужчина свёл брови к переносице и убрал руку, спрятав её в карман брюк.

Чистякова быстро провела ладонями по щекам, вытирая слёзы, но особого успеха в этом не добилась. Они всё текли и текли из глаз. А он всё смотрел и смотрел на неё сверху вниз. Тяжело смотрел. Строго. Словно ждал развития событий в виде истерики или чего-то подобного. Девушке же просто хотелось отмотать время на пару часов назад, отговорить себя от

решения приехать сюда и отправиться в свою комнату в общежитии с панцирной кроватью, громкими соседями и продуваемым окном.

– Расскажи, – вдруг подала голос Антонина. – Расскажи мне всё.

Девушка несмело посмотрела на сестру, подумав, что ослышалась.

– С самого начала, – продолжила она. – Я хочу знать как так вышло, что у моего папы есть внебрачная дочь!

– Тоня, она же тебе сейчас наврёт в три короба, – повернулся к ней мужчина. – О таком надо у отца спрашивать, а не у этой сироты казанской.

– Я и у него спрошу, а потом сравню две версии.

Тоня поднялась с дивана и, подойдя ближе, села напротив. София с детства фантазировала о том, как она выглядит и какой у неё голос, но даже в фантазиях старшая сестра не была такой красавицей как наяву. Высокая, стройная, статная с коротко стриженными тёмными волосами, тонкими чертами лица и большими серо-зелёными глазами, смотрящими на неё сейчас в упор.

– Я тебя слушаю.

– Я знаю немного, – тихо призналась Соня, изо всех сил стараясь контролировать всхлипы, то и дело прорывающиеся из груди. – Со слов мамы...

Чистяковой Анне было всего двадцать два года, когда квартиру по соседству арендовал приехавший в её провинциальный небольшой городок в командировку мужчина. Взрослый, серьёзный, представительный. Сотрудник органов. На фоне других представителей мужского пола, окружающих её и увлекающихся алкоголем, гулянками и прочими "радостями" жизни, он – непьющий, некурящий, работающий, стал своего рода идеалом и мечтой для женщин, с которыми был вынужден общаться по тому или иному поводу. Соседки бегали к нему с надуманными просьбами помочь передвинуть шкаф, подкрутить кран или угостить чем-нибудь вкусненьким. Сама же Аня, не интересующаяся до этого времени противоположным полом, любовалась им издали, робко здоровалась при встрече и постепенно влюблялась в образ, который придумала себе сама. Подруги, всегда считающие её немного не от мира сего из-за, на их взгляд, инантильной привычки витать в облаках, доброту и простодушность, крутили у виска и наперебой твердили:

– Этот Борис живёт у тебя под боком, дурочка! Давно бы уже охомутала! Сколько можно вздыхать по нему?!

И возможно её влюблённость и ограничилась бы лишь вздохами и взглядами, если бы не вспышка сезонного гриппа в городе, подкосившая многих, в том числе и Бориса. Соседки, занятые лечением себя, детей и нерадивых мужей, прекратили паломничество в его квартиру и он остался совсем один. Аня, сама на несколько дней выпавшая из жизни из-за болезни, слышала через тонкие стены его кашель, беспокойный скрип кровати и редкие шаги и девичья чуткая душа в итоге не выдержала. А потом не выдержало и сердце, окончательно сдавшись без боя, как оказалось позже, женатому мужчине. Как сблизилась, как зашли так далеко и как он сам разрешил этому случиться, она не помнила. Очнувшись, когда уже было слишком поздно. Командировка закончилась и Борис уехал, не попрощавшись, видимо очень жалея о случайной связи с ней, а Анна осталась одна на один с насмешками знакомых, соседей, всё тех же подруг и интересным положением, о котором она узнала спустя несколько недель. Затем об этом узнал весь город, чуть позже сплетни вышли даже за его пределы и каким-то образом дошли до него, вынудив вернуться и убедиться в их правдивости лично. Уходить из семьи он не собирался, но обещал оказать поддержку. Прежде всего финансовую. И обещание своё сдержал. Ей же, всё ещё беспрекословно любящей, не денег хотелось, а его присутствия, участия и, конечно, любви. Особенно после сложных родов. Особенно под косыми взглядами и шепотками за спиной. Особенно во время его редких приездов и скупого общения с дочерью, которой она говорила, что папа очень занят на работе и поэтому появляется дома так редко. Правда стала Соне

известна благодаря чужим людям, когда она пошла в первый класс. Пусть смысл слов "любовница", "нагуляла", "внебрачная" ей был ещё непонятен, но не ощущать снисходительного и высокомерного отношения окружающих к себе не могла. Потом в одну из встреч папа рассказал, что у неё есть старшая сестра, у которой другая мама. Её же мама, все эти годы не терявшая надежд на совместное будущее с ним, измученная статусом любовницы и уставшая ждать, обиделась, поставила его перед выбором – либо та семья, либо они. Больше он не появлялся. Появлялись только деньги на счёте, которые со временем стали уходить на мамину борьбу с раком, которому она всё-таки проиграла, после того как София, выросшая в такую же простодушную любительницу повитать в облаках, окончила школу и поступила в университет. Ушла, также, как и папа в своё время, тихо и не попрощавшись, оставив её совсем одну.

Антонина слушала молча и не перебивая. Её муж по окончании короткого Сониного сбитого рассказа помрачнел ещё сильнее и, судя по всё тому же тяжёлому взгляду, не верил ни единому произнесённому ею слову.

– Я, правда, не хотела ничего плохого, – повторила Чистякова, будучи искренней от начала до конца. – И не хотела, чтобы вы обо всём узнали.

– Почему?

Девушка на секунду осеклась, так как ожидала других вопросов или новых обвинений в расчётливости, но на этот раз и от сестры тоже.

– Потому что правда сделала бы вам больно. Точнее уже сделала. Простите меня за это.

Серо-зелёные глаза напротив повлажнели, а ладони, сцепленные до бела в замок, дрогнули. В этот же самый момент хлопнула входная дверь, раздались шаги и мужской голос:

– Тонечка, я дома и не один! Смотри, кто к нам ещё в гости приехал!

Через несколько секунд в комнате, где они находились, появился такой же высокий, спортивно-сложенный, подтянутый молодой мужчина в форме с тёплыми светло-кариими глазами и приятным лицом. А за его спиной... Соня застыла, во все глаза смотря на на главного героя своего недавнего рассказа, которого не видела семь лет, которого, несмотря ни на что, как и мама, ждала и которого вопреки всему не могла ненавидеть. Почти такой же как на фотографиях. Исключением были лишь седина в волосах, новые морщинки на лице и широкая улыбка, исчезнувшая в одну секунду при виде неё.

Папа...

Владлен

Девчонка без верхней одежды оказалась ещё меньше, ниже и тоньше. Тростинка совсем. Одни глазища только с веснушками. И враньё. Настолько много вранья, что непонятно как такой объём в ней мелкой и худющей уместился. Или, может, Влад из-за своей испорченности и давно обрётённого цинизма просто видел то, что хотел, а на самом деле... А что, впрочем, на самом деле? Что? Её слова – правда, что ли? И рассказ этот о родителях, в котором Тонин отец – му*ак, тоже правда? Но ведь Петрович – нормальный мужик. Адекватный. Всегда был им. Баженов его за это и уважал. Сколько его знал, ещё, наверное, со школьных времён брата, тот никогда и никоим образом не ставил под сомнение свою вменяемость и образ хорошего умного человека. Даже когда у Лёхи с Тоней от любви крышу сносило и они пропадали неизвестно где без связи его не срывало в отличие от их с Лёшкой бати. Теперь же эта сирота казанская пыталась доказать обратное. Точнее, не совсем, чтобы прям пыталась, отзывалась об отце нейтрально и больше эмоций чувствовалось и виделось в ней, когда девчонка упоминала мать, но... Но Владлен не верил в такие совпадения. Не верил в её бесхитростность и отсутствие меркантильных целей. И тем более не верил, что при подобных жизненных обстоятельствах, если они, действительно, были таковыми, она смогла остаться невинной, простой и безобидной. У любого, даже у ангельского терпения есть предел. У неё он либо уже наступил, либо наступит чуть позже. Вместо нимба и крылышек за спиной могут с лёгкостью появиться рожки с трезубцем и расхлебывай потом, ищи виноватых. Не бывает таких чистеньких, невинных и правильных, какой она изо всех сил старалась казаться. Не бывает! Только, может, в сказках, а в реальности же у каждого своя маска, у каждого свои цели, у каждого свои тайны. Её отец идеальный тому пример. А то, что взор чистый, слёзы настоящие и голос дрожит, так это чисто бабские уловки, которые ему были прекрасно знакомы и на которые он не имел права повестись, хотя и, чего душой кривить, за время разговора с ней не раз хотелось сделать. Отвык уже от спектаклей такого рода. Сейчас дамочки больше показывали ему кордебалет с сиськами наголо, чем бросали на него робкие невинные взгляды и замирали пугливым зверьком, стоило ему только встать на расстоянии двух шагов. Невольно всем нутром хотелось ковриком у её стройных ножек расстелиться, лишь бы только не ревела, а потом, когда успокоится, со всего мира спросить за каждую слезинку и всхлип. Странное чувство, только усложняющее и без того запутанную ситуацию. И сама девчонка странная. Не от мира сего как будто. Или вероятнее всего просто делающая такой вид, чтобы зацепить, убедить и расположить к себе.

Даже сейчас, оказавшись нос к носу с отцом, продолжала играть роль невинного агнца. Вытянулась по струнке, глазища вытаращила и замерла, кажется, даже не дыша. Кудрявцев тоже ненадолго замер. На его лице постепенно сменялась куча эмоций от удивления и шока до какой-то непримиримой злости, проявляющейся тогда, когда человека загоняли в угол и он был готов рвать и метать, не осознавая, что своей реакцией выдаёт себя с головой.

– Ты что здесь делаешь?! – рявкнул мужчина во всю мощь своего зычного голоса.

Она вздрогнула, вся сжалась, втянула голову в плечи и побледнела пуще прежнего. Следом за ней побледнела и Тоня, переводя глаза с отца на девчонку.

– Значит, это всё-таки правда... – прошелестела невестка. – Значит, ты, действительно, изменял маме...

Петрович с искажённым от переживаний лицом мгновенно оказался рядом с ней, но Антонина отпрянула в сторону, скрываясь за спиной Владлена. Лёха, уловив градус напряжения, подскочил к жене и тут же отвёл подальше, в другой угол комнаты.

– Не стоит, Борис Петрович, – придержал Влад Кудрявцева, снова было кинувшегося к дочери. – По-крайней мере сейчас.

Тот, шумно дыша, кинул на него дикий взгляд и резко развернулся к младшей, которая продолжала сидеть на месте, не жива ни мертва. Навис над ней коршуном, уперевшись руками в стол, и тоном, которым скорее общаются со своим злейшим врагом, чем с родным ребёнком, прорычал:

– Какого чёрта ты здесь забыла, Соня? Зачем явилась?! Жизнь мне испортить, да?! Мало вы мне с матерью кровь сворачивали, так ты добавить решила?!

От каждого слова девчонка вздрагивала, будто от удара. Со всё ещё мокрыми от слёз глазами смотрела на отца так, что невольно внутри всё переворачивалось от боли и тоски в небесно-голубых радужках, и молчала.

– У тебя, вообще, совесть есть?! – продолжал давить Петрович, напрасно считая, что его прессинг исправит ситуацию. – А уважение? Или ты, как и мать, только о себе думаешь?! – от переизбытка чувств хлопнул по столу с такой силой, что тот чуть не сложился пополам. – Зачем к Тоне полезла, а? Зачем?! На что надеялась? На то, что я тебя сейчас обниму по-отечески и в семью свою введу? Думаешь, что нужна мне?!

На Соню было больно смотреть, но Баженов не отрывал от неё взгляда, не собираясь отказываться от шанса убедиться в своих подозрениях. Ждал, когда маска спадёт с её ангельского личика и наружу выйдет она настоящая, а вместе с ней и мотивы её появления в их жизни. Только время шло, а ничего подобного не происходило. Только наблюдать за ней становилось всё тяжелее. От девчонки будто одна оболочка с каждой секундой оставалась.

– Тебя об этом мать надоумила, да? Какого хрена она вечно суёт свой нос туда, куда её не просят?! Мы же договорились, чтобы она с тобой не лезла ко мне и моей семье взамен на твоё содержание! Или вам бабок моих мало было?! Ты поэтому явилась, да?! – тесть брата зло усмехнулся, достал из заднего кармана брюк бумажник и, не глядя, кинул на стол перед ней стопку купюр разного тысячного номинала. – На! Возьми и исчезни! И матери своей то же самое передай, а ко мне и моей семье больше не лезьте, поняла меня?!

София медленно перевела взгляд с отца на деньги, лежащие перед ней. Какое-то время их рассматривала и, когда Влад уже было решил, что она их возьмёт, ощущая вместо удовлетворения за свою правоту странную горечь, девушка выпрямилась, тяжело поднялась со стула и снова посмотрела на Кудрявцева. И если ещё минуту назад в её глазах плескалась боль напополам с тоской, страхом и грустью, то сейчас они были пусты. Безжизненными даже. Страшное, на самом деле, зрелище или безупречная актёрская игра, достойная оскара. Мужчина так и не смог понять к чему склоняется больше.

– Мама умерла полтора года назад, – тихим бесцветным голосом произнесла девчонка, но её, кажется, слышали абсолютно все. – Не говори о ней больше в таком тоне, пожалуйста, – неожиданно повернулась к нему и Владлен неосознанно пропал в этом пустом небесном взоре. – Простите. За всё.

Затем она обошла по дуге оглушённого новостью отца и вышла из комнаты. Через несколько секунд открылась и закрылась входная дверь. Деньги же так и остались лежать на столе неаккуратной стопкой. Акт первый подошёл к концу, но сам спектакль похоже только начинался.

– Присядь, Борис Петрович, – предложил Баженов, заметив, как тот, морщась, потирает грудь в районе сердца. – Таблеточку, может, тебе какую дать?

Злость с тестя брата слетела мгновенно, стоило только девчонке, как он и просил, исчезнуть. Осталась обречённость, вина и сожаление. Только, судя по всему, не от того, что наговорил, а от того, что его самая большая тайна вскрылась. И это Владу, чего греха таить, не особо понравилось.

– Лучше сразу мышьяка, – вздохнул Кудрявцев.

– Поздно уже для этого. Теперь остаётся только расхлёбывать и объясняться.

Петрович посмотрел в сторону старшей дочери, нетвёрдым шагом направился к ней и на этот раз Баженов не стал его удерживать. Продолжил стоять на своём месте, наблюдая за тем, как за окном всё ещё летит снег, и радуясь, что племянник сегодня решил остаться в гостях у его родителей и не является свидетелем происходящего. Ещё не хватало ребёнку психику портить и видеть как мама, плача, ругается с его любимым дедушкой.

– Папа, я совершенно не понимаю, как ты мог так поступить? Как?! Ты же... А мама... За что? Почему?!

– Тонечка...

– Я же на вас всегда как на икону смотрела! Хотела также полюбить раз и на всю жизнь! Мне подружки завидовали из-за того, какие у меня родители крепкая и любящая друг друга пара! А теперь... Теперь...

– Милая, между мной и твоей мамой всё так и есть! Я её больше жизни люблю и это никто и ничто никогда не изме...

Тоня нервно хохотнула и всхлипнула.

– Не изменит, да? Не изменит?! Точно также, как ты ей не изменял?! А это тогда что? Почему ты на этих фотографиях?! Почему, пап?! Почему обнимаешь другую женщину?! Почему вы выглядите как семья?!

– Это была ошибка... Очень большая ошибка, Тоня! Я жалею о ней каждое мгновение с тех пор, понимаешь?! Если бы я мог, то всё бы исправил и ты бы никогда не узна...

– Боже, папа, ты, вообще, себя слышишь?! Какая ошибка? Какое сожаление? Какое "никогда бы не узнала"? Тебя только это волнует, да? То, что правда вскрылась, а не то, что ты натворил и продолжаешь творить до сих пор?! За что ты так с этой девочкой обошёлся сейчас? За что?! Она не виновата в твоих, как ты говоришь, ошибках! Виноват в них только ты!

Тут, сколько бы подозрений и вопросов девчонка не вызывала, Тоня была права. Она, действительно, была ни при чём. На измену Петровича не толкала и скрывать вторую семью столько лет явно не заставляла. Вина в этом лежала только на одном человеке, пытающегося сейчас отчаянно и бессмысленно оправдаться.

– А если бы она не появилась сегодня, то ты бы так и продолжал молчать, да? Продолжал быть примерным семьянином? Продолжал обманывать всех вокруг и, самое главное, маму?!

– Доченька, маме не нужно об этом знать. Ей нельзя волноваться, помнишь? Она только недавно с операции и...

– То есть ты хочешь ещё и меня стать соучастницей твоей многолетней лжи?! Папа, ты... Ты...

На этом моменте Влад решил ретироваться, так как итак много услышал и увидел, что для его глаз и ушей явно не предназначалось. Тем более Лёшка дома и лучше всех сможет оказать жене необходимую ей сейчас поддержку и утешение. Знаками показав брату, что уходит и получив в ответ кивок, направился домой, мечтая поскорее оказаться в постели и сделать этот сложный и тяжёлый день вчерашним. И без этого неделя не самая лёгкая была. Дел невпроворот. Теперь ещё и эта неожиданно появившаяся родственница. Кстати, о ней... Нужно было перестраховаться и проверить её историю, пробив даты, место жительства и всю остальную информацию. Обычно в таких делах ему помогали кто-то из близких друзей – Богдан Зорин, ещё в детстве занявший место в сердце наряду с младшим братом и работающий в органах, или Саня Соловьёв, являющийся следователем да не последним в своей структуре, но ни тому, ни другому сейчас звонить не хотелось. Час был поздним, хотя в помощи бы, конечно, они никогда не отказали, только оба в последнее время пахали как одержимые, отгородившись от внешнего мира каждый по своим причинам. Для полного счастья им сейчас ещё и его забот не хватало. Так что оставалось только нагружать свою службу безопасности. Они, правда, будут действовать медленнее из-за отсутствия прямого допуска ко всем базам данных, но Баженов

был готов подождать. В конце концов, никуда она от него не денется и, если нужно будет, то и из-под земли сможет её достать. Пусть и мелкая, но не иголка же в стоге сена.

Быстро отправив распоряжение смс-кой, благо дороги были пустыми и можно было на секундочку отвлечься на телефон, Баженов хотел было прибавить скорость и рвануть вперёд, как краем глаза заметил одинокую тёмную фигуру сидящую на лавке на остановке. Знакомая фигура. Девичья. Худая.

Мужчина покачал головой. Вот тебе и иголка. Ещё и искать не собирался, а она тут как тут. Сама на глаза попадается.

И чего здесь сидит? Автобусы и маршрутки ещё час назад перестали ходить. На улице никого. Только снег всё метёт и метёт. Ревёт что ли? Или на такси денег нет, чтобы до дома добраться? Выглядит она, конечно, не особо обеспеченной, но не до такой же степени. Хотя... Кто её знает эту Соню? Вдруг решила назло отцу насмерть замёрзнуть?

Подъехав к остановке, включил аварийку и вышел из машины. Зачем? Самому бы ещё знать ответ на этот вопрос, но проехать мимо не мог. Убедится, что не совсем на голову отбита, и дальше по своему пути двинется. Она, сгорбившись, словно на её плечах оказались все проблемы мира, сжавшись, видимо от холода, и низко опустив голову, даже не заметила его приближения. Так и осталась сидеть в той же позе, не издавая ни звука. Не было слышно ни всхлипов, ни шороха одежды, ни, самое главное, дыхания.

– Эй, ангелок, – позвал он, отчего-то напрягшись и устав смотреть на девичью макушку в нелепой шапке, одетой почему-то навыворот. – Ты живая?

Одна секунда, вторая, третья и по нарастающей, а девчонка всё молчала. Баженов уже было протянул руку, чтобы потормозить её за плечо, но остановился в считанных сантиметрах, услышав тихое:

– Меня зовут Соня.

– Живая, значит. Прекрасно. И что ты, Соня, тут сидишь? Свести счёты с жизнью решила?

– Я жду автобус.

– Ты время видела? Двенадцатый час уже.

– Понятно...

– Что тебе понятно? – начал раздражаться Владлен от этого пустого разговора.

Лучше бы всё-таки мимо проехал! Меньше нервов, которых у него и так не сказать, что было много, потратил.

– Что автобусы не ходят и общежитие закрылось.

Мужчина поморщился и сквозь зубы выругался. Прекрасно, бл*ть! Ей ещё теперь и идти некуда! Что за бедовая-то такая? Самая настоящая головная боль, а не Соня!

– И что? Неужели никак в общагу не попасть? Со сторожем не договоришься что ли?

– Сторож ночью спит. Его и пушками не разбудишь. Дверь на ключ изнутри закрыта.

– Хорош сторож, ничего не скажешь. А подружки? Парень, в конце концов?

– Какой?

– Твой! И подними, наконец, голову. Чего я с твоим затылком разговариваю?

Девчонка послушно подняла голову и на него снова уставились безжизненные голубые глазища. Уставились так, что сразу стало ясно – она не в адеквате. Смотрит, но не видит, разговаривает и не понимает с кем точно и о чём именно. Бледная вся. Опухшая от недавних слёз. Губы синие. Дрожит, похоже сама того не замечая. Зрелище не для сердобольных, к которым Баженов никогда себя не относил, но всё равно отчего-то проникся, стараясь при этом отчаянно напоминать себе об игре, которую она могла вести, и своих насчёт неё подозрений, возникших не на пустом месте. Напоминать-то напоминал, только желание пригреть и защитить, как бездомного котёнка, прочно засело внутри, едва успев сформироваться, и исчезать в ближайшее время, судя по всему, не планировало. Наваждение, бл*ть, какое-то!

– Мой? – переспросила эхом.

– Твой-твой. Езжай к нему. Или он тоже в общежитии живёт?

Она пожала плечами.

– Не знаю.

– В смысле не знаешь? Или вы недавно только встречаться начали?

– Я не понимаю о чём вы.

– Да бог ты мой, у тебя метелью мозги что ли все выдуло? Или окоченела настолько, что голова не соображает? – повысил голос мужчина. – Парень твой где, спрашиваю, живёт?

– У меня нет никакого парня, – всё с той же мертвенным спокойствием ответила Соня.

Владлен повторно выругался, но на этот раз мысленно, и глубоко вздохнул, пытаясь не заводиться на пустом месте.

– А подружки? Или их тоже нет? – молчание, сигнализирующее согласие. – Ты, вообще, как живёшь-то в таком одиночестве? Ни парня, ни друг, ни сем...

Оборвал себя, понимая, что выходит за грань, уподобляясь её отцу. Не в том она состоянии, чтобы давить на больное, во-первых. Во-вторых, её жизнь не его дело. В-третьих, низко это. Неправильно. Даже если она на самом деле врунья, какую только поискать, всё равно у него не было никакого морального права делать ей больно. Словно щенка пнуть или того же самого котёнка в мороз за дверь выставить.

– И что ты делать будешь? Автобусы не ходят, общежитие закрыто, идти тебе некуда.

– Не знаю.

– Здесь останешься что ли?

Девчонка огляделась, словно только что поняла, где находится, затем перевела куда-то ему за спину и вдруг улыбнулась. Блаженно так. И совершенно неадекватно.

– Снежинки в свете фонаря танцуют, – почувствовав его немой вопрос, пробормотала она. – Красиво. Очень.

В этот момент Владу стало окончательно понятно, что дело плохо. И что оставить её здесь одну в таком состоянии у него не получится. Не сможет. Петровичу звонить и просить его приглядеть за младшей дочкой было бесполезно, так как ясно, что она ему, мягко говоря, не сдалась. Оставить её у Тони? Не вариант. Состояние невестки сейчас также оставляло желать лучшего. Значит, придётся побыть немного нянькой. Роль для него, учитывая наличие младших брата, сестры и Богдана, не новая, хотя и сказать, что особо желанная.

– Вставай, ангелок. Поехали.

И не дожидаясь, когда до неё дойдёт, что он от неё хочет, наклонился, обхватил за локоть и, легко подняв с лавки, потянул к машине.

– К-к-куда?

– Попробуем достучаться до твоего сторожа.

Открыл дверь и аккуратно запихнул её, видимо до сих пор не особо понимающую смысл его слов, на пассажирское сидение. Сам же сразу пристегнул и, дотянувшись, включил подогрев сидения.

– Адрес общежития помнишь? – спросил, сев за руль. – Далеко от универа твоего?

Подумав, прибавил тепла, чтобы девчонка согрелась как можно быстрее. Вдруг соображать начнёт?

– Нет, они по соседству друг от друга находятся.

– Замечательно.

Адрес педа, увиденный в зачётке, послушно всплыл в памяти и точно также послушно выстроился маршрут до него. Ехать предстояло около получаса, может, чуть больше, и за это время она молчала, смотря то на него, думая, что Влад не замечает, то на снежинки за окном. Периодически морщилась, потирая ладони, которые видимо отходили с холода, после замирала и потом снова всё по кругу. В какой-то момент ему и вовсе показалось, что девчонка

уснула, отвернувшись к окну, но стоило только припарковаться как она взбеленилась и принялась бороться с ремнём безопасности.

– Сиди пока смирно, – приказал Баженов. – Сначала разбужу вахтёра, двери откроет и только потом выйдешь. Нечего ещё больше мёрзнуть на улице.

План по побудке в итоге не увенчался успехом. Сколько он не тарабанился в двери со всей дури, сколько не орал, пытаясь дозваться сторожа, сколько не проклинал всё на свете и этот день в особенности, в окнах первого этажа даже свет не зажётся. Смысла стоять здесь дальше не было, а везти Соню некуда, кроме как... Владлен чертыхнулся. Кроме как к себе. Был ещё вариант определить её в какой-нибудь хостел или гостиницу да только сил разъезжать по ночному городу в метель было не так много, а до дома от общаги педа было рукой подать. Ладно. В конце концов, она Тонина сестра. Невестка не простит ему, если с ней что-то случится. Да и, если честно, Влад сам себе этого не простит.

– В общем, ангелок, план такой – ночуешь сегодня у меня, утром – в общагу, – поставил в известность, вернувшись в машину. – Сейчас спит твой сторож мёртвым сном.

– А как же... – напряглась девчонка, смотря на него уже более осмысленным взглядом, что не могло не радовать.

Тепло пошло ей на пользу. На лицо вернулись краски – щёчки зарумянились, с губ ушла синева, пальцы рук приобрели естественный цвет. Даже глаза, казалось, ожили немного.

– Что?

– А как же Антонина?

– Тоня дома.

Она недоумённо свела брови к переносице, пожевала губу и потом вдруг на абсолютном серьёзе выдала:

– Мне нельзя к вам.

– Почему это? – удивился Влад.

– Ей будет ещё хуже, если она меня увидит, а я не хочу этого. Она и так по моей вине...

– Подожди, ничего не понял. С чего ты решила, что она тебя увидит?

– Вы же сказали, что я у вас переночую...

– Всё правильно я сказал, а Тоня тут при чём?

– Разве... Разве "у вас" – это не у неё?

Баженов в первые в жизни почувствовал себя тупым. Раньше людей насквозь видел, мысли их читал и шаги наперёд видел, что особенно помогало в бизнесе, а с Соней почему-то ничего из этого не работало. Будто она на самом деле была не с той планеты и совершенно не укладывалась в его систему координат. И так пытался её прошёлкать, и эдак, а результат всё равно оставался тем же, нисколько не помогая определиться с мнением на её счёт.

– У меня – это у меня. У Тони – это у неё и Лёшки.

– То есть, получается, что вы... – девчонка взмахнула ресницами, окинула взглядом его лицо и будто увидела под другим углом. – Вы не её муж?

Влад не удержался от смешка. Потом ещё от одного. И ещё... В итоге, сам от себя не ожидая, расхохотался в голос, словно она рассказала что-то смешное.

– Нет, я деверь. Брат мужа Тониного – Алексея. Ты видела его сегодня, он вместе с твоим отцом приш...

Соня при упоминании горе-родителя снова изменилась в лице. Во взгляд вернулась отстранённость, уголки губ опустились, плечи напряглись и Баженов решил поставить хотя бы временную точку в своих подозрениях.

– Почему ты не взяла деньги, которые он предлагал? Там же неплохая сумма была. Захотела бы больше, то Петрович добавил, не думая.

– Мне от него ничего не нужно, – уже знакомым бесцветным голосом выдохнула она, смотря прямо перед собой на танцующие в свете фар снежинки. – И от Антонины тоже.

– А явилась тогда к ним зачем?

То же самое спрашивал пару часов назад, но повторение, как известно, никогда лишним не бывает. Вдруг запутается в своих же словах и сболтнёт лишнего что-нибудь?

– Я не хотела ничего пл...

– Плохого. Я это уже за сегодня не раз от тебя услышал. А что ты хотела, можешь нормально объяснить?

– Посмотреть.

– На Тоню?

В ответ слабый кивок, но Влад не собирался на этом успокаиваться.

– Только посмотреть и всё? Зачем?

– Мне было любопытно как она выглядит. Я с детства её себе представляла. Пыталась понять почему... – замолчала, погрузившись в мысли.

– Что почему?

– Почему её папа любит. Почему я недостойна того же самого, что сделала не так, где провинилась.

Владлену пришлось напрячься, чтобы услышать её последнюю фразу, которая звучала больше как мысли вслух, чем чётко обдуманное предложение. И услышать-то он услышал, а понять девчонку не смог. Да и вряд ли когданибудь сможет это сделать, так как его родители любили. Просто за то, что он был на этом свете, и подобных вопросов к ним у него никогда не возникало. Пусть у них иногда возникали разногласия, особенно с папой, но их любовь всегда была безусловной и Баженов знал об этом с самого детства. Знал, что чтобы не случилось, этот факт останется неизменным и не раз в этом убеждался. Даже сейчас, когда он уже разменял четвёртый десяток и готовился к наступлению через три года пятого, они заботились, переживали и порой сюсюкались с ним как с маленьким. А Соня в свою очередь была самой настоящей маленькой, только сюсюкаться с ней было некому. Матери не стало, отцу не нужна, сестре... Тоня, конечно, была сильным человеком, добрым, с душой широкой, но хватит ли у неё сил и желания девчонку принять? Понятное дело, что дети не в ответе за грехи родителей, но сердцу с гордостью не прикажешь же.

– Нет в этом твоей вины, – слова вылетели прежде, чем он успел их остановить. – Если кто и виноват, то родители твои. Отец, насколько я понял, в большей степени. Вот их и вини, а себя принижать прекращай, иначе не видать тебе счастливой жизни как собственных ушей.

Не было у него никакого права учить её уму разуму после того как сам чуть ли не всех собак на девчонку спустил и в душу залез, но поздно уже об этом было переживать. Сказал и сказал. Правду, а не чушь какую-нибудь. И она похоже тоже всё это время правду говорила. Доверять он ей от этого больше не стал, но половину вопросов к ней и подозрений чисто для себя вычеркнул. Пока что. Для окончательного вердикта нужно было ещё глянуть информацию по ней от службы безопасности.

Всю дорогу до дома Соня молчала, сверля взглядом его профиль. Что она хотела рассмотреть, мужчина не знал, но не мешал ей, сосредоточившись исключительно на дороге, которую порядком замело и на которую ушло больше сил и времени, чем он планировал. Только у входной двери неожиданно подала голос:

– Я вам не мешаю?

– Если бы мешала, не привёз.

Наверное, нужно было обрисовать ей, как гостье, картину происходящего получше, но сил уже для этого, честно говоря, не было.

– Вы... – несмело вступила в прихожую, когда Влад пропустил её вперёд и зашёл следом, закрывая за собой дверь. – Вы один живёте?

– С какой целью интересуешься, позволь узнать?

Спросил на автомате, потом вспомнил, что разговаривает не с одной из своих любовниц, а с юной девчонкой, и собрался было себя поправить, но, взглянув на неё, понял, что она похоже и не поняла намёка. Хлопала ресницами, нерешительно осматривая обстановку и мяла в руках шапку, позволив ему невольно зависнуть на толстой, порядком растрёпанной событиями сегодняшнего вечера и половины ночи косе. С юношества своего не видел, чтобы девушки волосы в обычные косы заплетали. Соня же... А что с неё взять с этой Сони? Понял ведь уже, что она с другой планеты, так зачем удивляться раз за разом? И пялиться тоже зачем? Было бы на что ещё смотреть-то, но... Всё равно отвернуться от неё не мог и лишнее чувствовал. То, что обычно как раз таки к любовницам ощущал. Только если с ними в уравнивании – прижать к стене, намотать на кулак волосы и заставить прогнуться, чтобы войти одним толком, ничего неправильного и необычного не было, то новая неизвестная в нём в виде этой девчонки заставила не на шутку напрячься. Причём везде. И в штанах тоже. Как, бл*ть, по приказу.

Неужели настолько за последнее время вымотался, что на чуде этом глазастом повело?

– Не хочу доставлять вам неудобств, – она, наконец, заметила его пристальное внимание, посмотрела в глаза и это ничуть не облегчило ситуацию.

Расстояние между ними всего шаг. Девчонка в его квартире, в которую Влад пускал только самых близких. В спальне в этой самой квартире кровать. Большая. Хотя и стена тоже неплохая поверхность, пусть и вертикальная. Ему нужно только руку протянуть и... Баженов встряхнул головой, прогоняя морок. Получилось не очень, но уже хоть что-то. Ещё бы она не глядела на него так напрасно доверчиво, было бы, вообще, прекрасно. И ведь не понимала, глупая, что к чему. Сигнал телом уловила, он это по расширившимся зрачкам и приоткрывшимся, будто в приглашении, губам увидел, а осознать не осознала. Точно не с той планеты. Или это скорее он, Баженов, башкой поехал, раз позволяет таким мыслям и желаниям в ней завестись.

– Поздно уже об этом переживать, – голос рычал, выдавая его с потрохами.

Она кивнула, прижала к груди шапку и скорее машинально, чем осознанно потёрла затылок, что помогло ему отвоевать ещё больше контроля у внезапного наваждения. Сразу же в красках вспомнилось её падение и отключка на несколько секунд.

– Ударилась всё-таки, да?

И, точно также как и Соня, скорее машинально, чем осознанно, накрыл ладонью её тёмную макушку. Хотел просто проверить наличие шишки, а в итоге зарылся пальцами в густые волосы и снова, дурак, пропал. На этот раз гораздо серьёзнее и глубже, чем в первый, потому что одно дело смотреть со стороны, а другое касаться и...

– Ай! – вдруг пискнула она, зажмурившись от боли.

Нашёл шишку всё-таки. И в себя, слава Богу, после этого звонкого "ай!" пришёл одним махом.

– Прости. Нужно тебе всё-таки показаться врачам, – голос, зараза, звучал совершенно не к месту. – Вдруг не простой ушиб, а что-то серьёзное.

– Завтра, точнее уже сегодня схожу в медкабинет в университете.

– К врачам, я сказал, ангелок, а не к университетской медсестре.

– А есть разница?

Ну что за дитё такое, а? Самому что ли за ручку завтра в больницу нормальную вести? Нет, за ручку брать не следует, от греха подальше, а вот проконтролировать для своего же спокойствия, наверное, стоит.

Мысленно наметив себе план действий на утро, за которое ему нужно было успеть и в няньку без сучка и задоринки доиграть как следует, и успеть на совещание, мужчина принялся стягивать верхнюю одежду, попутно объяснив своей гостье что где в квартире находится. Она слушала молча, не перебивая и не переспрашивая. Затем также молча двинулась следом до

гостевой комнаты, которая на этапе застройки задумывалась как детская, пока ему подобным образом не понадобившаяся.

– В шкафу, по-моему, оставались кое-какие вещи Маши, – мужчина толкнул дверцы в сторону и, помимо разного рода постельного белья, покрывал, подушек и прочего текстиля, хранящимся его домработницей почему-то именно здесь, нашёл стопку разноцветной одежды. – Моей младшей сестры. Комплекции вы разной, но, думаю, что ночь проживёшь в шмотках с чужого плеча.

Его горячо обожаемая Манюня была старше Сони на четыре года и такой худобой не страдала, будучи всегда фигуристой и в то же время стройной, поэтому девчонке скорее всего её одежда будет великовата, но не настолько как его вещи. В одной его футболке она наверняка утонет.

– Спасибо, – наконец, подала голос девушка.

– Ванную видела. Кухню тоже. Если что зови.

И не глядя на неё, вышел из комнаты, плотно прикрыв за собой дверь и давя дикое, неизвестно откуда взявшееся желание закрыть её на ключ. После душа голова немного очистилась, почувствовался голод иного плана, вспомнилось, что в холодильнике оставались несъеденные с утра блинчики с творогом, и ноги сами понесли в сторону кухни. Проходя мимо гостевой, уже решил было и девчонку позвать, но уловил шум воды из второй ванной неподалёку и резко передумал. Надо будет, сама придёт. Не надо... В принципе, да, верно. Не надо оно ему. И ей его тоже не надо. Без него жизнью в девятнадцать лет всего битая.

Правда, эти чёртовы блины ему едва поперёк горла не встали, когда из кухни, откуда хорошо просматривался коридор, увидел как она, уже переодевшись в Машины футболку, действительно, оказавшейся ей большеватой, и пижамные штаны, порядком для неё длинные, вышла из ванной и, не заметив его, вдруг нагнулась и принялась подгибать эти самые штаны. Абсолютно точно не для того, чтобы его зацепить, подразнить и свои нижние девчонство во всей красе продемонстрировать, а чтобы просто не запнуться и во второй раз за последние сутки не познакомиться близко с полом. Влад умом это прекрасно понимал, только должным образом отреагировать не сумел. Приклеился взглядом к аккуратным, обтянутым тканью и так и просящимся в ладони полушариям и поймал себя на том, что в шортах, попавшихся первыми под руку, становится тесно, во рту сухо, в ушах шумно. Просто потому что девчонка без всякой задней мысли показалась перед ним сверху попойкой. Дожили, Карл! Совсем уже рехнулся! Перед ним взрослые женщины, знающие себе цену, из кружевных трусиков выпрыгивали, а эта скорее всего ещё свято верила в то, что детей в капусте находят или аист приносит, но каким-то образом пробрала собой Баженова конкретно. Самое главное, даже не стараясь. Да так, что кружевные труселя с содержимым в них, будто и не встречались ему никогда, хотя ещё совсем недавно... Владлен призадумался, вспоминая. Нет, не недавно. Больше недели назад в последний раз спускал напряжение, а это для него уже срок. И вероятнее всего в этом-то и заключалась причина неожиданной заикливости на Тониной сестре. Точно! Слава богу, простой недотрах. Даже как-то легче сразу стало. В душе и совести, а вот в паху...

Она, так и не заметив его в качестве стороннего наблюдателя, разогнулась и скрылась в гостевой. Мужчина же, затолкнув в себя блины и запив их минералкой из холодильника, направился в спальню. Уснуть только с ходу как назло не вышло. Крутился, вертелся, глаза долго закрытыми держать не мог, потому что перед ними то и дело возникали события сегодняшнего насыщенного событиями вечера с девчонкой в главной роли. Думал всё о ней, думал. Потом вспомнил, что оставил телефон на столе в кухне, и пошёл за ним, попутно на автомате кинув взгляд на дверь гостевой. Та, на удивление, оказалась немного приоткрытой. Видимо Соня по незнанию неплотно её закрыла, а она потом взяла и открылась, невольно вызывая подозрение о том, что сегодня похоже даже его собственная квартира была против него, не только тело.

– "Закрой и уходи!" – безапелляционно приказал здравый смысл.

Влад так и хотел сделать. Уже взялся за ручку, уже потянул на себя и... И зацепился глазами за зеркало, висящее на противоположной стене. В нём отражалась кровать и девчонка, лежащая на самом её краешке и словно в любой момент готовая вскочить и куда-то убежать. Даже во сне напряжённая, потерянная, одинокая и всё такая же странная. Такие, как она, обычно долго не протягивают. Ломаются или их ломают. Не потому что слабые, а потому что опереться не на кого. Какой бы душевной и физической силой человек не обладал, а всё равно случались моменты в жизни, выстоять в которых в одиночку, без поддержки и понимания, было почти нереально. Баженов это по себе знал, по друзьям своим видел, по родным. По отцу тому же, который, несмотря на свою физическую мощь, моральную, жизненный опыт и упёртый сложный характер, без мамы, её веры в него, мудрости и готовности в любой момент подставить плечо, прожить не мог. У Сони же похоже даже мало мальских подружек не было. Кому в жилетку плачется, интересно, о жизни своей незавидной? Или в себе всё держит? Так ведь и свихнуться недолго.

– "Сам что ли жилеткой хочешь стать?" – съязвила циничность.

Он отвернулся от зеркала и всё-таки закрыл двери и на этот раз как полагается. Нет, эта роль точно была не для него. Никогда не умел вытирать слёзы и убеждать, обманывая, в том, что всё будет хорошо, тогда как очевидно что так никогда не будет. Но дать ей свой номер телефона на всякий случай всё же должен был. В конце концов, она не просто девка с улицы, а девка с улицы, позднее оказавшаяся Тониной единокровной сестрой. А жена брата сама ему как сестра, поэтому... Чёрт! Звучало так, будто сам перед собой старался оправдаться! Глупость несусветная! Захотел номер дать, значит, даст. Без всяких объяснений. Разбираться с последствиями этого поступка потом будет.

Правда, как выяснилось утром, зря он сам с собой ночью спорил, потому что, проснувшись и сообразив нехитрый завтрак на двоих, увидел, что его гости и след простыл. Сначала было подумал, что она, вымотанная встречей с родственниками до сих пор спит, но, громко постучав в дверь гостевой, позвав по имени и так не услышав никакого ответа, забеспокоился. Вдруг всё-таки вчерашнее падение сказалось на ней не самым наилучшим образом? Вошёл внутрь и вместо валяющейся в бессознании девчонки наткнулся на аккуратно заправленную постель и стопку одежды в шкафу. Словно и не было никого. Следом пришла смс от начальника службы безопасности с запрошенной ночью информацией о ней. Имя, дата и место рождения, родители, университет – ничего нового Владлен для себя в этом не увидел. То же самое вчера Соня рассказывала. Самое интересное и самое подозрительное содержалось в графе места работы, где указывался название и адрес детского сада, в который ходил сын Лёшки с Тоней и по совместительству его племянник – Илюшка.

Вот тебе и ангелок. Вот тебе и девочка невинная. Хотела, значит, просто на сестру посмотреть, да? Любопытно было? Ничего плохого не хотела?

И он тоже хорош. Уши развесил. На глазища голубые с веснушками повёлся. Идиот!

Ну, какой же ты, Баженов, идиот!

Глава третья.

София

Она сколько себя помнила обожала возиться с детьми. Со сверстниками и взрослыми общий язык не могла найти, как не старалась, кроме мамы, а вот с детишками общение само собой складывалось. Они её завораживали своей непосредственностью, любознательностью, чистым взором и открытой душой, в которую можно с лёгкостью влюбиться и с ещё большей лёгкостью ранить. Они смотрели на мир как-то совершенно по-особенному. Не так как взрослые. Видели в нём нечто понятное лишь им. Яркое, красочное, счастливое. Смеялись заливисто и честно. Плакали, злились, обижались, а потом очень быстро прощали. С ними Соне было спокойно и уютно. С ними ей хотелось связать свою жизнь и ради этой цели девушка старалась изо всех сил хорошо учиться и также хорошо работать, набираясь опыта у воспитателей. На полный рабочий день у неё не получалось выходить из-за пар, но даже несколькими часами после учёбы, проведённых в окружении маленьких, всё понимающих, вопреки мнениям взрослых, человечков, девушка не уставала радоваться. Особенно если удавалось побыть в группе, в которой числился сын её старшей сестры – Илья. Ему было пять лет, но по развитию он уже порядком опережал своих сверстников. Очень добрый, активный, весёлый, любящий и любимый, похожий на родителей. Ребята кучковались вокруг него, выбрав лидером, а он и рад стараться. Чистякова поначалу запрещала себе к нему привязываться, но сама не заметила как полюбила этого ребёнка всем сердцем и каждый раз с нетерпением ждала новой встречи с ним, чтобы заглянуть в тёплые каре-зелёные глаза чистые глаза, увидеть его открытую радостную улыбку и услышать звонкое: "Сонечка, привет! Смотри, что я нарисовал!" или "Смотри, какая у меня игрушка!". Тётя Тома из-за этого периодически называла её безмозглой дурочкой, говоря, что нужно не к нему подлизываться, а к его родителям. Только Соня к Илюшке и не подлизывалась. Она, вообще, не знала как это делается. Да и если бы знала, то абсолютно точно не стала бы этого делать ни по отношению к этому чудесному ребёнку, ни к его маме с папой. Потому что это неправильно. Потому что это ей не нужно. И о своём решении прийти к их дому девушка успела пожалеть не раз и не два. Была бы возможность отмотать время назад, то она ею обязательно бы воспользовалась, а без неё оставалось только корить себя за любопытство, принёсшее боль ни в чём неповинным людям, и надеяться, что у них всё будет хорошо. И у папы, и у Антонины, и у брата её мужа, оказавшего Соне столько помощи, сколько она за всю жизнь ни от кого не получала. О ней так разве что мама заботилась до болезни. А ведь сначала ей, глупой, показалось, что он не очень хороший человек. Так жутко смотрел на неё, подозревал, хотел подловить на лжи, но потом после появления отца и его слов, из-за которых София впала в состояние фрустрации и совершенно не соображала, не оставил в беде. Говорил с ней, оказал заботу и поддержку, пустил на ночлег домой, хотя мог оставить её, в тот момент и себя непомнящую, на остановке. Лишь благодаря ему папины жестокие слова затихли в голове. Благодаря ему у неё получилось прийти в себя. Правда, поблагодарить как следует не вышло. Ночью хватило лишь на простое "спасибо", а утром нужно было рано уйти, чтобы успеть к первой паре. Мужчина в это время спал и будить его Чистякова не решилась. В переполненном троллейбусе по дороге до университета только повторяла мысленно его фразу, произнесённую с твёрдой уверенностью ночью:

"Нет в этом твоей вины. Если кто и виноват, то родители твои. Отец, насколько я понял, в большей степени. Вот их и вини, а себя принижать прекращай, иначе не видать тебе счастливой жизни как собственных ушей".

После этого она, наконец, поняла, что значит выражение "сказал как отрезал". И также поняла, что даже не запомнила на эмоциях его имени. Помнила только его самого – большого и сероглазого. А ещё голос со смехом. Какой-то чисто мужской. Низкий. По-своему красивый и очень... Приятный? Да, наверное, так. Иногда отчего-то волнующе рычащий. Соня никогда такой не слышала. Ни у одноклассников, ни у немногочисленных одноклассников мужского пола в университете. После ночи в гостях Тониного деверя специально к их разговору прислушалась на переменах между пар и даже капли похожих звуков не уловила.

– Соня, – в группу заглянула чем-то крайне взвинченная Тамара Евгеньевна, вырывая из мыслей. – Зайди ко мне. Сейчас же!

Чистякова непонимающе переглянулась с воспитательницей и снова посмотрела на подругу мамы, сверлящую её очень недовольным и даже каким-то злым взглядом.

– Хорошо, Тамара Евгеньевна.

Услышав ответ, Смирнова скрылась в коридоре и Софии не оставалось ничего кроме как направиться следом за ней. Первое, что она услышала, стоило только закрыть за собой дверь директорского кабинета, было взбешённое:

– Сонька, дура, ты когда уже мозгами обзаведёшься?!

Девушка, привыкшая к вопросам такого рода от неё, опустила голову, не в силах выдерживать тяжёлый и в чём обвиняющий её взгляд тёмно-карих глаз.

– Сколько тебя не учи, сколько не говори, сколько не пытайся помочь, а всё бестолку! У меня иногда складывается такое впечатление, что у тебя в башке вместо мозгов кисель клубничный! – тётя Тома говорила негромко, так как сейчас по расписанию был тихий час и дети спали, но резко и отрывисто, словно едва сдерживалась, чтобы не закричать в полный голос. – И зачем я пообещала твоей матери приглядеть за тобой?! Проблем только на свою голову нажила! Чёрт бы тебя...

– Я... – Чистякова несмело взглянула на женщину, стоящую возле своего стола и глазами метавшую в неё молнии. – Я что-то сделала не так?

– Ты ещё спрашиваешь?!

Соня искренне не понимала. На работу она пришла даже на час раньше из-за отменённой последней пары, со своими обязанностями, как обычно, справлялась, чрезвычайных происшествий, которые частенько случались из-за любопытных непосед, коими являлись все детишки, не случалось.

– Я...

– Ты дура, Сонька! Причём безнадёжная! Зачем к сестре полезла, когда она не одна была, а?! Я разве тебе не говорила аккуратнее действовать?! – прошипела Тамара Евгеньевна, прищурившись. – Я разве не предупреждала, что ты можешь в два счёта отсюда вылететь, если абсолютно вся правда вскрыется, и на этот раз я ради тебя одно место точно рвать не буду! Хватит с меня! Самой бы уцелеть!

Говорила, да. И предупреждала. Но единственное, что ей сейчас было ясно, так это то, что мамина подруга откуда-то узнала, что она была у Антонины. Сама София ей об этом решила не рассказывать, так как прекрасно знала, что та лишь покрутит пальцем у виска и назовёт пусто-головой за отказ от отцовских денег. О его словах, действиях и взглядах девушке, в принципе, хотелось как можно скорее забыть.

– Тётя Тома, а как вы узнали про сестру?

– Благодаря Баженову Владлену Валентиновичу! – едко усмехнулась она. – Знаешь такого?!

Чистякова, нахмурившись, отрицательно покачала головой.

– А он тебя знает, Сонька, и, судя по всему, это не сулит тебе ничего хорошего!

Смирнова села в своё высокое кожаное директорское кресло и кивнула на стул напротив. На этом же месте на столе лежал чистый белый лист и обычная синяя ручка.

– Садись и пиши заявление на увольнение по соглашению сторон сегодняшним числом. Потом собирай вещи и загляни в бухгалтерию, девочки отдадут тебе документы и расчёт.

Девушка замерла, оглушённая её словами. Увольнение? По соглашению сторон? Документы? Расчёт? Но... Но почему? За что?

– А раньше надо было думать! Раньше! До того как на Баженова нарвалась! Не знаю, что ты натворила и как узнал... Хотя, чего это я? Это же Баженов. Люди его уровня всегда и обо всём знают.

О чём? О чём знают? Соня же ничего плохого никому не сделала! Глаза защищало от слёз и ком перекрыл горло. Она же... Она же просто работала!

– Не вздумай реветь! Нюни нужно было перед братом мужа сестры своей разводить и ему плакаться, может, тогда бы и пожалел тебя бестолочь такую!

Брат мужа – это же... Это же тот самый мужчина, который её не оставил одну в трудный момент и приютил у себя на ночь! Но... Но он ведь хороший! Он ведь... Почему? Зачем он хочет её увольнения? За что он так с ней? За что с ней, в принципе, всё плохое раз за раз происходит? Неужели она этого заслуживает? Неужели она настолько ужасный человек?

– Скажи спасибо, что увольнением обходишься, а не чем-то серьёзным, потому что Владлен Валентинович – это не Антонина и даже не муж её. С ними я, может, ещё и замаяла, сказочку какую-нибудь придумала бы, а ему лапшу на уши так просто не навешаешь, – Тамара Евгеньевна, поморщившись как от зубной боли, передёрнула худыми плечами. – Мало того что громила каких поискать, так ещё и хватка как у бульдога. Только узнал, что ты здесь работаешь, и сразу понял, где адрес сестрицы взяла. Думала с меня кожу живьём спустит за то, что сотрудники в персональные данные могут залезти и в своих интересах их использовать. На задних лапках перед ним пришлось прыгать, унижаться и... И всё из-за тебя! Неужели поумнее не могла действовать?! Садись давай, пиши заявление! Хватит глазами хлопать!

Соня на негнущихся ногах и с пеленой от невыплаканных слёз подошла к столу, чувствуя, как состояние, в которое впала после первой за долгие годы встречи с отцом и которое прогнал Тонин деверь, возвращается. Глухое, вязкое, холодное ощущение апатии, заполнившее, казалось, всё тело. Сложное. Тяжёлое. Сжимающее изнутри той самой бульдожьей хваткой.

Как писала заявление, собирала вещи, прощалась с коллегами и забирала документы из-за этого состояния не помнила. Ярким пятном в мыслях остался только образ сладко спящего племянника, мимо группы которого проходила к бухгалтерии, и Тамары Евгеньевны, что, смягчившись и видимо выдохнув из-за её ухода, пообещала позвонить своей знакомой и найти для неё работу где-нибудь в другом месте. Девушка только кивнула, толком не уловив смысла её слов, и вышла на улицу в надежде, что хотя бы там будет легче дышать, но ошиблась. Сырой воздух застревал в лёгких, ветер забирался под одежду, пробегаясь колючими мурашками от макушки до пят, и хлопал недавно выпавший снег под подошвой, превратившийся из-за резкого потепления в обычную слякоть. Будто бы и не было красиво танцующих снежинок в свете фонаря и автомобильных фар. Будто бы мужчина и не помогал, не говорил тех поддерживающих слов, не смеялся так, как она ещё ни разу не слышала. Будто Соня его, доброго и чуткого, себе придумала.

Общежитие, как обычно, встретило её ароматом лапши быстрого приготовления, сигарет, выкуренных в тайне от коменданта в туалете, и пыли, а комната, в которой она пока жила одна, так как соседка ещё перед Новым годом переехала к своему парню, тишиной и детально знакомым одиночеством. Нужно было сходить в душ, что-нибудь приготовить на ужин и освежить в памяти лекции перед завтрашним учебным днём, но вместо этого, скинув обувь и пуховик, девушка прямо в одежде без сил рухнула на кровать, совсем не такую дорогую, удобную и большую как в квартире у... Как его назвала тётя Тома? Владлен Валентинович? Красивое имя. Очень ему подходящее. И квартира у него тоже красивая. Точнее та часть, которую она успела рассмотреть. Просторная, тёплая, уютная. Её небольшая комнатка, куда едва влезали

две кровати, две тумбы, два стола и два небольших шкафа, такой сложно было назвать, хотя София и пыталась обуютить пространство вокруг себя как могла. Шторы на окне, которые всё равно не спасали от дыр в нём, пусть и изрядно затыканных ватой, новые обои, постоянно отклеивающиеся из-за сырости и старых стен здания, коврик на неровном и холодном полу, конечно, сглаживали ситуацию и делали её даже терпимой, но... Но... Слезы, сдерживаемые в процессе увольнения и по дороге от бывшего места работы до общежития, скатились по щекам в подушку и она накрылась одеялом с головой, прячась от жестокого и враждебного мира, что постоянно испытывал её на прочность и раз за разом бил наотмашь всё большее.

Не торопиться после пар на ближайшую остановку, чтобы с неё поехать на работу, было странно, но Чистякова надеялась, что скоро привыкнет, и намеренно не спеша направилась в противоположную сторону от остановки, к общежитию. Наравне с ней шла громкая и весёлая компания первокурсников, обсуждающих какой-то лишь одним им смешной случай, то и дело вызывающий у них приступы хохота, поэтому она не сразу услышала как кто-то зовёт её по имени.

– Соня!

Девушка остановилась, огляделась и наткнулась взглядом на спешащую к ней Антонину. Такая же красивая, как и в первую их встречу, ставшей, как ей казалось, последней. С укладкой и макияжем. В короткой дублёнке, тёмных джинсах, подчёркивающих формы и стройные ноги. В стильных сапожках на каблуках, делающих её ещё выше. Студенты и преподаватели провожали её заинтересованными и восхищёнными взглядами. Соня и сама на мгновение замерла сначала от эффектного вида старшей сестры, а следом и от осознания, что она зачем-то приехала сюда. К ней.

– Привет, – догнав её, звонко поздоровалась первой.

– Здравствуйте, – эхом произнесла девушка, не в силах поверить в происходящее.

– Ничего, что я без предупреждения? Я тебя не отвлекаю?

Солнечный свет, которого ближе к середине марта стало гораздо больше, красиво искрился в её серо-зелёных добрых глазах. На этот раз в них не стояли слёзы, шок и разочарование и Соню не могло это не радовать.

– Если ты свободна мы можем где-нибудь поговорить? – так и не дождавшись от неё ответа, продолжила Баженова. – Может, в каком-нибудь кафе поблизости?

София растерянно моргнула. Поговорить? О чём? Наверное, было бы логичным, если после всего произошедшего Тоня захотела лично попросить её, как и папа, больше не появляться в их жизни, но сестра не выглядела воинственно настроенной. Не злилась. Наоборот мягко улыбалась в ожидании её ответа и не торопила.

– Эм... Можно поговорить у меня в комнате. В общежитии.

О кафе и прочих подобных заведениях поблизости она не знала практически ничего, так как не ходила по таким местам, не имея на то лишних средств и предпочитая готовить себе самостоятельно. Только слышала от одногруппников, которые исходили за время обучения окрестности вдоль и поперёк, что места общепита в их районе далеко не самые лучшие в городе, поэтому-то и решила позвать сестру именно к себе.

– Отлично! Так даже, знаешь, лучше. Я хотя бы на время сниму эти жутко неудобные сапоги. Все ноги себе стёрла всего за пару часов хождения в них, представляешь? – обрадованно затараторила сестра, с готовностью двинувшись за ней.

В общежитии она то и дело вертела головой, с интересом рассматривая каждый уголок, а её в свою очередь с таким же интересом рассматривал каждый встречный им человек. В комнате ситуация повторилась и, пока Чистякова искала запасную пару домашних тапочек, Тоня оглядела её достаточно скудное убранство от и до.

– А у тебя очень уютно и шторы милые. Я сама, знаешь, в студенчестве тоже мечтала в общежитие переехать, в такую же комнатку заселиться, романтично мне это почему-то казалось, но папа не пуст... – она осеклась, заметив, как Соня, развернувшись к ней с найденными тапочками, изменилась в лице из-за боли, кольнувшей сердце. – Эм... Слушай, а у тебя какой размер ноги?

– Тридцать седьмой, – с трудом выдавила из себя девушка сквозь ком в горле.

– Тогда боюсь, что в твоих тапочках я буду как Волк из "Ну, погоди!" в фигурных коньках. У меня-то сороковой, – весело хмыкнула Антонина и нагнулась, чтобы разуться. – Но ладно, не беспокойся, в носках похожу, тем более у тебя очень чисто.

– Пол холодный...

– Не страшно. Главное, это орудие пыток на каблуках снять... Оох, какой кайф! – с наслаждением протянула она, стянув правый сапог и пошевелив ступнёй в забавном ярко-салатовом носке с изображением овечек. – Боже, почему ты не уберёг меня от их покупки? За что так наказываешь? Хотя теперь понятно, почему на них была скидка в пятьдесят процентов...

Пока сестра разувалась, Соня успела освободить для неё вешалку, включить чайник, убрать со стола тетради и учебники и достать из тумбочки упаковку печенья с небольшой конфетницей, привезённой из родного дома в надежде почувствовать себя здесь также.

– Ой, и, правда, пол холодный. Ты не против, если я с ногами на стул заберусь?

– Нет, не против.

Красивая, ухоженная, с иголки одетая Антонина и так очень необычно смотрелась в её комнатке, а усевшись за стол, как и хотела, подобрав под себя ноги, вовсе вызвала диссонанс своей простотой и естественностью.

– У меня ещё суп куриный есть, – запоздало вспомнила Чистякова и тут же мысленно себя за это одёрнула.

Ну, какой суп? Разве гостям, тем более таким, как она, супы предлагают?

– Сама готовила?

– Да.

– Тогда точно не откажусь, – вдруг загорелась сестра, кажется, даже облизнувшись. – С утра нормально не ела.

Через пару минут они уже вдвоём сидели за столом с тарелками горячего супа, приготовленного вчера, и ложками в руках. Софии из-за волнения еда в горло не лезла, а Тоня ела с аппетитом, от души нахваливая её кулинарные способности и перескакивая с одной неважной темы на другую. Похоже тоже волновалась и переживала.

– Ещё раз извини, что я так нагрязнула внезапно да ещё и уселась тут как у себя дома.

– Ничего страшного.

– Я тебе фотографии принесла и заодно хочу поговорить. На этот раз с глазу на глаз. Тем более что тем для разговора, как выяснилось, у нас навалом, не правда ли?

Девушка отложила ложку, так не разу и не опущенную в суп, и несмело посмотрела на сестру.

– Мне жаль, что так получилось. Я... – опостылевшая фраза "не хотела ничего плохого" почти сорвалась с губ, но в последний момент Соня произнесла другие слова. – Я прошу прощения за то, что нарушила покой и сделала вам больно. Это последнее, чего я хотела, правда. Я не планировала с вами встречаться, знакомиться и тем более рассказывать о своём происхождении. Мне... Мне просто было интересно. Думала, что посмотрю со стороны, утолю любопытство, мучающее меня с детства, а потом уйду, но...

– Но всё случилось так, как случилось, – кивнула Антонина, серьёзно смотря на неё. – И тебе не в чем на самом деле извиняться. Правда, не в чем. Если бы не ты, то я бы, наверное, всю жизнь во вранье жила, свято веря в идеальность своего отца, – она помрачнела лицом, но

взгляд, честный и открытый, не отвела, хотя было прекрасно видно, как тяжело ей давались эти слова. – К тому же больно сделала не ты, а он. Папа во всём виноват, Соня. Наш папа.

Чистякова с трудом сглотнула и зачем-то снова сказала:

– Мне жаль...

– Мне тоже. Только мы не должны отвечать за его грехи, ты же это понимаешь? Даже если он считает иначе, не обязаны. И... И те слова, что он тебе сказал... Это... Это неправильно. Ужасно неправильно. Будь я в нормальном состоянии, то ни в коем случае не допустила бы этого.

– Он... Он имеет право злиться на меня.

– Нет! Нет у него такого права, ясно?! – взвилась сестра, сурово нахмутив брови и став очень похожей на папу. – Пусть на себя злится, но никак не на тебя! А ты перестань его оправдывать! Он совершенно этого не заслуживает!

Соня нервно потёрла ладони. Она привыкла это делать. Постоянно искать ему оправдания привыкла. У мамы научилась, которая до конца верила в то, что отец о них помнит и любит, что он просто запутался, что он рано или поздно вернётся к ним. Так было легче, чем постоянно злиться и ненавидеть его. Видеть причины в обстоятельствах, непогоде, плохом самочувствии, чем осознавать настоящую сущность человека, являющегося родным отцом.

– В следующий раз шли его прямым текстом. Может, хотя бы тогда поймёт, что натворил.

– Слат? Прямым текстом?

– Да. Ты не умеешь? Не переживай, я тебя научу, – Антонина, сменив гнев на милость, заодно подмигнула и потянулась к кружке с чаем и к стоящей рядом конфетнице. – И, кстати, прекращай мне выкать! Я, конечно, старше, но не настолько же.

Растерявшись от резкой смены темы, Чистякова только молча кивнула.

– Знала бы, что в итоге у тебя окажемся, то привезла бы гостинцы. Как раз сегодня с утра успела пирожков перед работой напечь. С вареньем моим, знаешь, как вкусно? Пальчики оближешь! Домашние мои их обожают. Владлен с Илюшкой наперегонки за обе щёки уминают, – Тоня снова осеклась. – Кстати, насчёт Владлена... Я только вчера вечером узнала что он натворил и почему. Ты, правда, специально работала в детском саду, чтобы приблизиться к моему сыну и заполучить наш адрес?

– Нет! Это не так! Я... – девушка вздохнула, собираясь с мыслями и надеясь, что её следующие слова не будут звучать как оправдание. – Я работала там, потому что мне хотелось. Я люблю детей. Мне с ними интересно. Ещё это хорошая практика, опыт, небольшая прибавка к стипендии и...

– Влад из-за этого тебя аферисткой считает. Обманщицей, не побрезговавшей задействовать в своих целях ребёнка.

Сестра смотрела на неё пристально, словно готовилась уличить во лжи и убедиться в правоте своих подозрений.

– Я бы никогда так не поступила. Это же... Это же ужасно. Неправильно. И... И Илья он... Он замечательный мальчик. Очень умный, смывлёный, добрый, открытый, весёлый, любознательный. Им невозможно не проникнуться. Его невозможно не любить, – перед глазами возник образ племянника и София сама не заметила как на губах появилась нежная улыбка. – Я старалась держаться в стороне от него и относиться как ко всем остальным детям, но...

– Он очень расстроился, когда воспитательница сказала, что ты больше не будешь к ним приходить. Я даже было подумала, что он знает, кто ты на самом деле, и поэтому так переживает.

– Я не рассказывала и не планировала этого делать. Не думала даже об этом.

Соне хватало и того, что Илья знал её имя и широко и радостно улыбался при каждой новой встрече. А использовать его... Каким же плохим человеком нужно быть, чтобы использовать ребёнка ради своей выгоды? Как, вообще, на такое можно пойти?

– А адрес, Соня? Как ты решилась на то, чтобы залезть в личное дело и его оттуда выписать? Ты понимаешь, что персональные данные охраняются законом и у тебя могли из-за этого возникнуть проблемы? Хотя почему могли? Они уже возникли – тебя уволили, – Тоня не кричала и не обвиняла, скорее старалась понять. – Мы пусть и знакомы всего ничего, но, как мне кажется, ты бы не смогла пойти на такое. Или я ошибаюсь? Ладно, я бы ещё поняла, если ты, действительно, планировала познакомиться и заявить о себе, но ты же сама это отрицаешь и я тебе верю. Правда, верю. И в то же время не могу не заметить сколько несостыковок во всей этой истории.

Первым порывом было всеми доступными способами себя защитить, заверить сестру в обратном, рассказать как всё было на самом деле, но девушка не стала этого делать. Открыла рот, посмотрела на неё и поняла, что устала. Устала от бесплодных попыток доказать свою безвинность, устала быть в глазах других людей злодейкой и очень сомневалась в том, что её слова не воспримутся как попытка переложить ответственность с себя на тётю Тому, давшей адрес по своей, а не по её, Сониной, инициативе.

– Ладно, будем разбираться, – кивнула сама себе Антонина, так и не дождавшись от неё никакого ответа. – Подсказывает мне интуиция, что не всё так просто в этом деле, как кажется на первый взгляд. И раз уж зашла речь про взгляд... Как ты смотришь на то, чтобы узнать друг друга получше? – Чистякова удивлённо округлила глаза, совершенно не ожидая такого исхода событий. – Всё-таки как не крути мы сёстры и, если ты не против, то я хотела бы познакомиться с тобой поближе.

– П-п-правда? – ей не верилось своим ушам и в принципе не верилось в происходящее.

– Да, правда.

– А как же...

– Что?

– Папа. Он наверняка будет против нашего общения.

– Лично меня это не волнует! – фыркнула сестра, зло сверкнув глазами. – Он сам по себе, я сама по себе! И для себя я как раз таки всё решила.

– Но почему? Я же...

– Живое напоминание его неверности моей маме? Буду честна, Соня, я тебя пока именно так и воспринимаю, потому что вся эта ситуация мне нелегко даётся. Очень нелегко. И есть вероятность, что я так и не смогу начать воспринимать тебя иначе, как сестру, даже после того как мы начнём общаться, но я хочу хотя бы попробовать, понимаешь? Потому что, как я уже сегодня говорила, ни я, ни ты не обязаны рассчитывать за грехи отца и если у нас есть шанс построить нормальные человеческие отношения, то, думаю, мы можем им воспользоваться.

Скажи Тоня, что вдруг ни с того ни с сего вспылала к ней родственными чувствами, то Чистякова не поверила бы, потому что в отличие от неё, давно знающей о её существовании и принявшей этот факт, сестра совсем недавно узнала всю правду, вылившуюся на неё как ушат холодной воды, и рассчитывать на её расположение лишь из-за родства было глупо даже для Софии. К тому же у Антонины была семья – любящие её родители, муж, ребёнок, родственники и искать тепло и любовь в Соне, у которой этого всего не было, ей не требовалось. И это было абсолютно нормально. Девушка бы поняла, если она и вовсе вычеркнула её из памяти как страшный сон, но вместо этого Тоня захотела узнать её, познакомиться, попробовать наладить отношения. Чистякова о таком даже не мечтала, прекрасно осознавая утопичность и нереальность подобных грёз, и теперь не понимала как справиться с шоком, волнением и радостью. Глупой, отчаянной, щенячьей радостью, перехватившей дыхание и взбудоражившей надежду. Надежду на избавление от одиночества.

– Ну так что? Ты не против?

– Нет, – выдохнула еле слышно.

– Прекрасно! – Тоня улыбнулась и не улыбнуться ей в ответ было невозможно. – Тогда для начала предлагаю обменяться номерами телефонов.

Обменявшись контактами, они ещё какое-то время поговорили на разные темы, стараясь обходить болезненные и тяжёлые для обоих моменты. Затем сестра ушла, неожиданно крепко обняв её на прощание и пообещав позвонить завтра. София изо всех сил пыталась не думать, не надеяться так сильно и не ждать, чтобы потом не разочароваться, но желание ощутить тепло и быть кому-то нужной было сильнее. Поэтому она думала, надеялась, ждала и жутко волновалась перед каждым звонком или личной встречей, боясь не оправдать ожидание, обидеть или не понравиться. Антонина это, конечно, замечала и похоже сама нервничала по этому же поводу, но со временем, по мере сближения и узнавания друг друга волнение и переживания уменьшились. Общаться стало гораздо легче, а тем для обсуждения, пусть и очень непростых, больше. Сестра осторожно интересовалась о её детстве, взаимоотношениях с мамой и даже о самой маме. Чистякова в свою очередь старалась отвечать максимально честно и без утаек, делилась тем, чем ещё ни с кем не делилась, совершенно безбоязненно открывала душу, не думая, что Тоня может этим воспользоваться и сделать больно. Не таким человеком она была, зла ей не хотела и точно также отвечала искренностью на искренность, сопереживая её чувствам, не очень хорошим воспоминаниям и утратам всем своим большим сердцем. Постепенно они привыкали друг к другу, делали выводы и анализировали свои ощущения от общения, осознавая, что, кажется, у них получилось переступить через грань "законная дочь и подтверждение измены" к более-менее тёплым сестринским отношениям. Естественно, им ещё было куда стремиться и девушки обе это понимали, но в то же время понимали, что первые, самые сложные шаги навстречу друг другу сделаны. Старшая сестра даже познакомила её со своим мужем – Алексеем, оказавшимся очень приятным, умным, доброжелательным и безмерно любящим своих жену и ребёнка молодым мужчиной. При встрече с ним Соня сразу поняла, от кого у её племянника такая широкая мальчишеская улыбка, обаяние и русый цвет волос. Он отнёсся к ней с теплотой, лёгкостью и, на удивление, пониманием, словно они были знакомы продолжительное время. А потом примерно через месяц с первой встречи Тоня, поразив и тронув до глубины души, пригласила девушку в гости для того, чтобы познакомить её с Ильёй в уже новом статусе – в статусе тёти.

Собираясь на семейный (по-настоящему семейный!) ужин с родственниками (с настоящими, принявшими её родственниками!), София успела испереживаться по несколько раз и столько же раз переплести волосы и поменять одежду. Не то чтобы у неё был богатый выбор вещей, скорее наоборот прослеживался их недостаток, просто очень хотелось выглядеть опрятно, аккуратно и под стать такому важному для неё событию. Проблема заключалась в том, что что бы она не надевала, смотрелось это на ней из-за худобы нелепо и будто с чужого плеча. Раньше её это не особо волновало, впрочем, как и свой вес, который резко изменился после смерти мамы и последующих потом переживаний по этому поводу, а сейчас пытаться это исправлять уже было поздно. В итоге остановившись на обычном белом свитере с высоким горлом и классических чёрных брюках и поняв, что времени остаётся катастрофически мало, девушка поспешила на автобус. По приезде на нужную и уже знакомую остановку она неожиданно наткнулась взглядом на сестру, стоящую неподалёку.

– Сюрприз-и-из! – хихикнула Тоня, заметив её удивление, и подскочила к ней, чтобы обнять. – А я решила тебя встретить, чтобы ты не шла пешком по слякоти.

– Не нужно было утруждаться. Я бы и сама дошла, – обнимая в ответ и окунаясь в цитрусовый аромат её парфюма, заверила Чистякова.

– Да знаю я, что ты у нас вся такая самостоятельная, но мне несложно и хочется о тебе хотя бы немного позаботиться.

У Софии от этих слов засвербело в носу и появилось едва сдерживаемое желание прижаться к Баженовой ещё крепче, показать как же сильного этого не хватало и как она ценит её участие. Вот только продемонстрировать его у всех на виду девушка не решилась и лишь на мгновение усилила объятия, а потом отошла, смущённо отводя глаза в сторону.

– Пойдём, – с обескураживающей теплотой в голосе позвала Антонина, кажется, и без слов прекрасно понимая её чувства. – Моя машина стоит за углом.

Дорога до Тониного дома на автомобиле заняла гораздо меньше времени, чем Соня шла пешком в прошлый раз, и стоило только им зайти с улицы в уютную и большую прихожую, как в неё вдруг врезался маленький вихрастый ураган с криком:

– Сонечка, это правда ты! Ура-а-а!

Девушка замерла, на автомате обхватив племянника за плечи и почувствовав, как нежность и любовь к нему, поселившиеся в сердце некоторое время назад, переполнили её в один миг. От облегчения, что Илья её не забыл, что по-прежнему рад видеть, что не боится, захотелось рассмеяться и расплакаться одновременно. Она так переживала, что своим появлением может нанести ему травму или каким-нибудь образом навредить, что теперь даже не могла до конца поверить в то, что происходящее реально, а не плод её воображения.

– Представляешь, ты моя тётя! – вскинув голову вверх, лучезарно улыбнулся Илья, восторженно смотря на неё во все свои каре-зелёные глаза. – А я твой пельменник!

Его родители, наблюдающие за ними со стороны, весело хмыкнули.

– Племянник, сынуль, – поправил ребёнка Лёша. – Сонечка твоя тётя, а ты её племянник.

– А по мне и пельменник звучит вполне неплохо, – хихикнула Тоня, обнимая мужа.

Чистякова, сев перед Ильёй на корточки, погладила его по волосам и, не удержавшись, по пухлым сладким щёчкам с милыми ямочками.

– Привет, Илюша. Я очень рада снова тебя видеть. Ты так подрос!

– Правда?

– Конечно!

– Дядя Влад говорит, что я скоро как папа буду.

– Обязательно будешь, – со всей серьёзностью кивнула София и, вспомнив о своём небольшом подарке, достала из сумки раскраску с персонажами из его любимого мультсериала и книгу со сказками. – Это тебе, Илюшенька. Надеюсь, понравится.

– Ух ты! – обрадовался мальчик, рассматривая яркие обложки. – Кла-а-ас!

– Илья, что нужно сказать? – напомнил Алексей.

– Спасибо, тётя Соня! – послушно отрапортовал племянник и, коротко обняв её за шею, умчался куда-то вглубь дома.

Она же осталась сидеть на корточках, смотря ему вслед и смакуя про себя это незнакомое, но такое невероятное "тётя". Возможно для кого-то это слово ничего не значило и было лишь простым отражением степени родства, но для неё сейчас будто целый мир открылся. Новый, неизведанный, яркий мир, в котором её существование имело ценность и смысл.

– А это тебе! – также быстро, как и убежал, вернулся Илья с листом бумаги в руках. – Я тебя нарисовал! Мама и папа мне даже не помогли!

Рисунок изображал немного непропорциональную голову и шею, тёмным пятном, по всей видимости, волосы, а двумя голубыми точками по середине и красной линией снизу глаза и губы.

– Спасибо, Илюша! Мне очень приятно, – Соня впервые за долгое время счастливо улыбнулась и бережно прижала к груди рисунок. – Повешаю его у себя в комнате на стене над рабочим столом и каждый раз буду вспоминать тебя.

– А на стене много места? Я ещё могу нарисовать картинки и подарить, чтобы тебе вспоминаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.